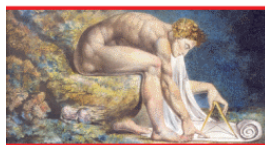

КАББАЛА И БЕСЫ

ЯКОВ ШЕХТЕР

Комментарии П. Локимсона и А. Файн

Яков Шехтер
Каббала и бесы

«Автор»

2008

Шехтер Я.

Каббала и бесы / Я. Шехтер — «Автор», 2008

«Даже не знающий каббалистических тонкостей читатель оценит психологическую и языковую точность рассказов, вполне достойных занять место в антологии лучших рассказов о любви, написанных на русском языке в первом десятилетии 21-го века...» Петр Люкимсон, «Новости недели»
Святость любви и любовь к святости в алькове каббалиста. Эта книга для тех, кто живет с закрытыми глазами, но спит с открытыми. Главное таинство каббалы – то, что происходит между мужчиной и женщиной, – впервые по-русски и без прикрас. Книга снабжена трехуровневым комментарием, объясняющим не только каббалистическую терминологию, но и более сложные понятия, связанные с вызыванием ангелов и управлением демонами.

© Шехтер Я., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
БЕСЫ В СИНАГОГЕ	6
НА ПЕРЕМЕНЕ	30
РОШ РИМОН[70]	40
ПУЛЬСА ДЕ-НУРА	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Яков Шехтер Каббала и бесы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посвящается Асе

Книга, которую вы держите в руках, есть не что иное, как эзотерическое путешествие в тайный мир иудаизма и каббалы. Мы открываем двери в этот мир с неожиданной стороны. Секреты еврейской эзотерики переданы Яковом Шехтером средствами художественной прозы, и к тому же – впервые в истории литературы – на русском языке.

Соединение в любви двух душ, мужской и женской – это сердцевина мистики и самая большая тайна Вселенной. Сокоупление мужа и жены, предназначенных друг другу – не «грех», не уступка дьяволу, но осуществление замысла Творения. Поэтому бесы стараются поставить подножку именно здесь...

БЕСЫ В СИНАГОГЕ еврейский «Расемон»

В «Ноам алихот»,¹ самой старой синагоге Реховота, завелась нечистая сила. Демон поселился в «биме», возвышении, на котором читают свиток Торы. Чтец едва успевал произнести несколько слов, как из глубины «бимы» раздавался злобный хохот.

Второй дух забрался в старую печку и завывал во время молитвы, мешая благочестивым прихожанам сосредоточить мысли на возвышенном. Да и о каком возвышенном могла идти речь, когда демоны откровенно глумились над Святым Писанием и его почитателями!

Случись такая неприятность лет сто назад, раввины бы знали, как утихомирить нечистую силу, но в наши дни знания эти рассеялись, да и нынешние раввины не чета прежним. Во всяком деле существует инфляция, сами понимаете...

Проблема усугублялась еще тем, что раввина в синагоге не было. Рав Штарк, умерший два года назад, занимал свой пост почти пятьдесят лет, и увидеть кого-то другого восседающим в его кресле не представлялось возможным. Теперь делами общины управлял совет: двое переизбираемых членов и неизменный староста – реб Вульф. Реб Вульф исправно прислуживал раввину почти три десятилетия и вот достиг наконец, вершины власти и великолепия.

Покойный раввин приехал в Реховот в начале прошлого века прямо из Каунаса и наверняка хорошо помнил историю с изгнанием тамошними мудрецами диббука² из тела несчастной женщины. О, будь он жив, нечистая сила быстро бы покинула пределы синагоги, если бы вообще рискнула проникнуть за ее священные стены! Но, но и но! Не мы решаем судьбы, не нам расписывать времена и расставлять знаки.

Молиться в синагоге стало невозможно. Прихожане перешли в маленький зал, в котором обычно устраивали небольшое угощение после субботней молитвы. Но даже из-за плотно закрытых дверей доносились вой и непотребный хохот. Бесы старались вовсю, не было никакого сомнения в том, что их цель – полный захват синагоги.

В общем-то, цель была почти достигнута: если в будние дни миньян³ с грехом пополам удавалось собрать, то в субботу, в «шабес койдеш»,⁴ на вечернюю молитву явились только члены правления. Впервые за многие-многие годы в «Ноам алихот» не отпраздновали встречу субботы.

Синагога располагалась в самом центре города, рядом с рынком. Она была одним из первых зданий, построенных в обновленном Реховоте, и первоначально служила для отражения атак арабских банд. Строили ее как форпост: толстые стены с окнами, похожими на бойницы, смотровая башенка на крыше, массивные двери. Внутреннее убранство соответствовало выбранному стилю: тяжелые дубовые скамьи с ящиками для молитвенников, резной, темного дерева арон-акодеш,⁵ высокий потолок, украшенный гербами колен Израилевых.

Внушительных размеров печь, построенная архитектором, выходцем из Восточной Европы, оказалась бесполезной – температура воздуха в Реховоте не опускалась ниже плюс десяти даже в самые суровые зимы. Но сносить печь не решились, и реб Вульф приспособил ее внутреннюю полость для хранения разных принадлежностей синагогального быта.

¹ На иврите – Пути блаженства.

² Злой дух, вселяющийся в человека и вызывающий помрачение рассудка.

³ Десять совершеннолетних мужчин, необходимых для совместной молитвы.

⁴ Так ашкеназские евреи произносят слова «шабат кодеш», святая суббота, день отдыха и получения всевозможных (разумеется, из тех, что разрешены Торой) удовольствий.

⁵ Богато украшенный шкаф, в котором хранятся свитки Торы. Обычно его делают из дерева, но в больших синагогах он может быть из мрамора. Часто представляет собой сложное архитектурное сооружение.

Вдоль стен стояли покрытые потрескавшимся шоколадным лаком книжные шкафы, набитые старыми книгами. Шкафы покрывали искусно вырезанные из дерева гранаты, львиные морды, скипетры и короны.⁶ Дверцы шкафов украшали граненые стекла старинной работы. Узкие полосы света, проникающие сквозь окна-бойницы, переливались в гранях, создавая удивительную атмосферу уюта и причастности.

Молились в синагоге простые люди: подсобные рабочие, владельцы маленьких лавочек, ремесленники, торговцы с расположенного по соседству рынка. Религиозные районы Реховота размещались на другом конце разросшегося города, и раввины, ученики ешив и прочий профессионально изучающий Тору люд в нее не попадали.

Покойный рав Штарк ежедневно нахаживал многие километры от своего дома до синагоги, а когда ослаб и уже не мог проделывать такие расстояния пешком, кто-нибудь из прихожан привозил его на автомобиле.

Соседство с рынком, поначалу отдаленное, но постепенно превратившееся в тесное объятие, мешало и прихожанам, и горластым продавцам. Торговые ряды начинались сразу у задней стены синагоги, базарный шум, ломящийся сквозь щели разошедшихся от старости окон, сбивал мысли прихожан с приподнятого лада.

Здание синагоги, ее двор, усаженный мохнатыми от возраста тополями, подсобки и отдельно стоящий домик туалета планировались в те далекие времена, когда о генеральном плане застройки Реховота не существовало даже зеленого понятия. А посему места – голой красноватой земли с проплешинами камней – не жалели. Но сегодня, когда цена квадратного метра площади рынка подскочила до десятков тысяч долларов, синагога с ее громадным двором стала привлекать нервное внимание деловых людей и людишек. Раву Штарку неоднократно предлагали выстроить за счет рынка другое здание, куда роскошнее существующего, но где-нибудь на окраине. Затем к обещанному зданию прибавились новая мебель, кондиционеры, квартира для раввина, машина для его заместителя и всякие мелочи для прихожан вроде бесплатного набора овощей для субботнего обеда. Рав Штарк не соглашался.

– Наш город начался с этой синагоги, – говаривал он. – И пока она стоит на своем месте, есть гарантия его дальнейшего существования.

Деловых людей от таких заявлений разбирал смех. Но право на территорию было зафиксировано в одном из первых постановлений поселкового совета Реховота, и деловым людям оставалось только приходиться в ясные летние ночи под стены «Ноам алихот» и выть на луну.

Рав Штарк был ортодоксальным евреем, и ортодоксальность, превратившись в свойство характера, наложила отпечаток на происходящее вокруг. Его мир пронизывала единая логика: всё – от мельчайших, незначительных событий до происшествий чрезвычайной важности – располагалось на одном стержне, соединяющем Землю с Небом. На любые вопросы существовал ответ, нужно было лишь не полениться и хорошо поискать в книгах.

– За три тысячелетия существования еврейского народа, – пояснял рав Штарк, – раввины успели обсудить любые возможные вопросы и рассмотреть все бытующие ситуации. Мир, в общем-то, повторяет себя. И хоть каждому поколению кажется, будто оно переживает нечто особенное, на самом деле это уже было – и не один раз.

Вспоминая покойного раввина, реб Вульф всегда мысленно возвращался к одной истории. Сама по себе она могла показаться курьезом, но, переплетаясь с другими, выющимися вдоль фактов, словно виноград вокруг столбов беседки, она отбрасывала уютную тень на происходящее, будто укрывая его от разрушительных лучей рационализма.

---

⁶ Характерные мотивы еврейского декора. Гранаты – традиционный символ Торы. Лев, скипетр и корона – символы колена Иегуды, к которому принадлежал царь Давид. Потомком царя Давида, в свою очередь, должен быть будущий Машиах – Мессия.

В синагоге долгие годы не было электричества. Освещали ее газовые рожки, старинные приспособления, бывшие в ходу еще в девятнадцатом веке. Поступавший в рожок газ раскалял добела металлическую сетку, и она светила примерно как сорокаваттная лампочка. Грело такое устройство больше, чем освещало, и в летние субботы прихожане, обливаясь потом, требовали от старосты немедленного перехода на электричество, сулившее кондиционеры и яркий свет люстр.

С раввином Штарком разговаривать они не решались. На любой вопрос у него находилось минимум три ответа: энциклопедические знания и гибкость суждений, отточенная многолетним изучением Талмуда, превращали спор с раввином в совершенно бесполезное занятие.

Пользоваться электричеством, вырабатываемым в субботу, рав Штарк не хотел. Отговорки и объяснения, что, мол, этим же током, бегущим по той же самой сети, пользуются больницы, которым закон разрешает нарушать субботу ради спасения жизни больных, он отбрасывал с легким отвращением. В «Ноам алихот» всё должно было происходить по высшему уровню кошерности.⁷

Трубки, подающие газ в рожки, проложили много лет назад. Фирма, ремонтирующая это устройство, давно закончила свое существование; наверное, кроме реховотской синагоги, никто в Израиле газом уже не освещался. Одна из трубок отошла от крепления и повисла над проходом. Когда во время праздника Суккот⁸ молящиеся торжественно огибали «биму» с лулавами⁹ в руках, верхушки пальмовых веток задевали трубку. Чтобы не испортить лулав, приходилось слегка наклоняться, и с годами этот полупоклон вошел в привычку, а еще с годами стал частью традиции.

Спустя пятнадцать лет уже никто не помнил истинной причины ее возникновения. Газопровод по-прежнему безотказно работал, прихожане – вернее, уже дети и внуки первых прихожан – с наступлением лета начинали докучать реб Вульф традиционными просьбами о переходе на электричество, а, огибая «биму» с лулавами в руках, торжественно кланялись. Причем уже не чуть-чуть, как отцы-основатели, а полным поклоном.

Старики рассказывали, будто когда-то на месте, где совершают поклон, сидел во время праздника Суккот большой праведник. То ли Хазон Иш,¹⁰ то ли рав Кук¹¹ – тут мнения расходились. Настоящая традиция никогда ведь не бывает однозначной. Рав Штарк не пресекал этих разговоров, и реб Вульф, следуя примеру раввина, тоже помалкивал.

История, которую староста никак не мог позабыть, произошла после того, как газопровод наконец сломался. Что-то где-то разошлось, и синагогу наполнил явственный запах газа. Вызывать для ремонта было некого, и рав Штарк нехотя дал согласие на замену рожков электрическими лампочками.

Случилось это перед осенними праздниками, обрадованные прихожане немедленно собрали деньги, и Рош-Ашана¹² справляли уже при ослепительном свете люстр и под прохладное жужжание кондиционера. На Суккот рав Штарк, как обычно, возглавил шествие с лулавом в руках. Дойдя до того самого места, он на секунду замешкался и взглянул вверх. От кончика

---

⁷ Соответствие пищи еврейским законам о ритуальной чистоте. Стало иносказательным и применяется во всех областях жизни, означая пригодность с точки зрения норм иудаизма.

⁸ Суккот (буквально – кущи), семидневный [праздник](#) в память о кущах, в которых жили израильтяне в пустыне после [исхода](#) из Египта.

⁹ Буквально – побег, молодая ветвь, нераскрытый веерообразный пальмовый побег, необходимый для ритуала во время утренней литургии праздника Суккот.

¹⁰ Карелиц Аврахам Иешаягу (1878, Коссово, Белоруссия, – 1953, Бней-Брак); известен как Хазон Иш – по названию своего основного 22-томного труда. Вскоре после переселения в [Эрец-Исраэль](#) (1933) Карелиц стал признанным духовным лидером религиозных кругов страны.

¹¹ Кук Аврахам Ицхак ха-Кохен (1865, Грива, ныне – в Даугавпилсе, – 1935, Иерусалим), раввинский авторитет и мыслитель, первый верховный раввин Израиля. Сочетал глубокое увлечение мистикой с активным интересом к окружающей жизни.

¹² Рош-Ашана – буквально: глава года, еврейский Новый год.

лулава до ближайшей помехи – потолка – было метров пятнадцать. Рав Штарк помедлил еще мгновение, а затем склонился в поклоне. Его движение повторили все молящиеся, и с тех пор традиция кланяться давно разобранной газовой трубке стала неотъемлемой частью обычаев старейшей синагоги Реховота.

О, с нечистой силой рав Штарк наверняка бы справился играючи. Полистал бы книги и нашел, как поступили в подобном случае лет триста—четыреста назад где-нибудь в Польше или Марокко. Увы, нам не дано познать ни спокойствия злодеев, ни мучений праведников. Путем «средних» влечет обыкновенного человека судьба,¹³ окуная попеременно то в жестянку с дегтем, то в бочку с медом. С нечистью предстояло бороться самостоятельно: счастливые времена, осененные присутствием рава Штарка, навсегда канули в прошлое.

Члены совета сидели в задней комнате совершенно пустой синагоги и горестно размышляли о будущем. Рисовалось оно довольно мрачным. Если придать делу широкую огласку, то есть обратиться за помощью в раввинат, помощь, возможно, будет оказана, но доброе имя «Ноам алихот» окажется безнадежно подпорченным – и кто знает, найдутся ли еще желающие молиться в загаженном нечистой силой месте? Нужно было искать нетрадиционные решения, однако они, как назло, не приходили в голову.

Идея осенила Нисима, владельца овощной лавки – «басты» – на рынке. В синагоге молились и ашкеназы,¹⁴ и сефарды:¹⁵ порядок службы покойный раввин подобрал таким образом, чтобы он подходил представителям всех общин. Нисим, выходец из Ирака, не отличался ни тонкостью манер, ни правильностью речи, но зато по части идей мог положить на лопатки многих краснобаев.

– Харэ гадать! – воскликнул Нисим, решительно хлопая ладонью по столу. – Обратимся к хабадникам, хабадники спросят Ребе. Как Ребе скажет, так и поступим! Мы еще увидим полный Ренессанс нашей синагоги!

Идея, по правде сказать, не отличалась оригинальностью; весь Реховот был оклеен красочными плакатами, изображавшими покойного Любавического Ребе на фоне его многотомного собрания бесед с хасидами.

«Обращаемся к Ребе, – утверждали плакаты, – и видим чудеса!»

Способ потустороннего общения с умершим праведником в глазах составителей плакатов выглядел довольно просто: нужно было всего лишь изложить свою просьбу на бумажке и всунуть ее наобум между страницами одного из томов. В том месте, куда угодила записка, обязательно находился ответ на заданный вопрос.

Хабадские молодцы раздавали листовки с душещипательными описаниями чудес, случившихся по вышеприведенному рецепту, удивительного проникновения Ребе в самую сердцевину задаваемого вопроса и необыкновенной мудрости найденных ответов.

Удивляться, впрочем, было нечему: поскольку к Ребе обращались примерно по одному и тому же кругу проблем, вероятность получить подходящий ответ оказывалась куда выше среднестатистической.

Третий член совета, Акива, экзотический еврей с острова Свободы, промолчал. Он вообще почти всегда молчал, поблескивая коричневой лысиной. Тоненькие, полоской, усы, сильный испанский акцент и неизменный запах кубинских сигар. Слова он расходовал нехотя,

---

¹³ Согласно Талмуду, человек не должен считать себя ни праведником, ни грешником, а смотреть на себя как на «бейрони» – нечто среднее между тем и этим. Такой взгляд на себя не позволяет человеку ни возгордиться, ни отчаяться из-за того, что из-за совершенных им грехов перед ним закрыты пути к спасению. Он должен осознавать, что внутри него постоянно идет борьба между злым и добрым началом, и стремиться к добру.

¹⁴ «Ашкеназы» – термин, обозначающий в средневековой еврейской литературе евреев, проживавших на Рейне, а затем во всех германских землях в целом. В последующем стал обозначать не только евреев [Германии](#), но и всех евреев, являющихся по своему происхождению потомками еврейского населения Германии средних веков.

¹⁵ Сефарды – потомки евреев, изгнанных в 1490-х гг. с Пиренейского полуострова.

словно пересчитывая, проверяя каждое на вкус и форму, прежде чем выпустить изо рта в свободный эфир.

Разговорить Акиву считалось в «Ноам алихот» невозможным делом. Как видно, кастровский режим научил его слушать, а слова держать при себе. Среди беспрестанно балаболов членов общины молчаливость казалась почти совершенством, сыгравшим решающую роль при избрании Акивы в совет. Правда, кроме этого несомненного достоинства, он был одним из главных израильских импортеров кубинского табака, и его щедрые пожертвования тоже сыграли свою роль.

Поскольку других предложений не поступило, «большая тройка» сразу отправилась в хабадскую синагогу. Раввина на месте не оказалось, старосты тоже, и «тройка» повернула было к выходу, но тут на ее пути оказался меламед, преподаватель младших классов хабадской школы. Вечно взъерошенный, с клочковатой, начинающей сесть бородой, он регулярно приносил в «Ноам алихот» листочки с комментариями покойного Ребе к недельной главе Торы.

– Реб Вульф! – воскликнул меламед, – добро пожаловать! Что же привело уважаемых членов правления под нашу крышу?

Узнав о причине визита, меламед расцвел.

– Друзья, вы ж на правильном пути! – радостно воскликнул он, подталкивая реб Вульфа к стеллажу с собранием сочинений Ребе. – Вот он, источник мудрости, кладезь знаний, родниковая вода исцеления. Пишите ж скорей вашу просьбу, и ответ не заставит себя ждать.

На формулировку вопроса и запись его на бумаге ушло не более трех четвертей часа. Подобная тщательность может показаться чрезмерной, но если вдуматься, кому задавался вопрос и из каких глубин должен был воспоследовать ответ, то сорок пять минут выглядят вполне приемлемым, даже граничащим с поспешностью интервалом.

Наконец святая работа была завершена, реб Вульф, сжимая вспотевшими пальцами сложенный вдвое листок, подошел к стеллажу. Отвернувшись, он вытащил левой рукой один из томов, а правой всунул листок между его страницами.

– Посмотрим, посмотрим, – вскричал меламед, выхватывая книгу из рук реб Вульфа. – О чем же вопрос? Ага, нечистая сила в синагоге, как же, как же, наслышаны, посмотрим ответ, ну-ка, ну-ка, нет, это не то, смотрим дальше, нет, не похоже, причем здесь субботние полеты «Эль-Аль»,¹⁶ ага, вот это несомненно, конечно оно – читайте!

И торжественно, словно бокал для кидуша,¹⁷ он поднес распахнутую книгу реб Вульфу.

– Вот здесь, внизу, читайте!

Выпуклые глаза мелаameda блестели, и весь он, дрожавший от восторга откровения, олицетворял собой победу духа над грубой материей жизни. Реб Вульф пробежал глазами текст и озадаченно хмыкнул.

– А вы уверены, что ответ содержится именно в этом письме?

– Конечно! Взгляните, кому Ребе его написал. Видите заголовок – дорогой реб Ноам! – в точности, как название вашей синагоги.

Реб Вульф еще раз хмыкнул и передал книгу членам правления. Ознакомившись с текстом, они не нашли ничего лучшего, чем повторить хмыканье председателя.

«Дорогой реб Ноам! – значилось в письме. – По поводу неудачных, храни вас в дальнейшем Г-сподь, беременностей вашей жены, я думаю, причину следует искать не в особенностях ее тела, а в недостатках вашего. Постарайтесь разузнать у родственников, кто делал вам брит-милу¹⁸ и был ли человек, совершивший операцию, Б-гобоязненным моэлем.¹⁹ Мне думается,

---

¹⁶ Эль-Аль – израильская государственная авиакомпания.

¹⁷ Кидуш – буквально: освящение, благодарственная бенедикция над вином. Окончив чтение Кидуша, глава семейства опивает несколько глотков и передает бокал с вином членам семьи и гостям.

¹⁸ Брит-мила, буквально: союз завета – обрезание.

¹⁹ Моэль – лицо, совершающее обряд обрезания.

что было бы желательно повторить процедуру, разумеется, не в полном объеме, а только совершив символический надрез. В любом случае, прежде чем принимать решение, посоветуйтесь с тремя близкими друзьями. Желаю вам, вашей жене и вашим будущим детям удостоиться лицезреть святого Машиаха, вскорости, уже в наши дни».

– Что-то непохоже, – усомнился Нисим. – При чем тут выкидыши чьей-то жены к нашей нечистой силе?

– Проще простого, – отозвался меламед. – Выкидыш – это нарушение нормального, естественного хода событий. Так же, как и нечистая сила.

В его голосе прорезались назидательные нотки, он заговорил с членами совета, словно со своими малолетними учениками.

– И что же теперь делать? – спросил Акива. Говорил он с небольшим хрипом, словно проворачивая заржавевший от долгого простоя механизм.

– Понятно дело, что! – бодро ответил меламед. – В письме ж упомянуты трое друзей, и вас как раз трое. Поди сейчас разберись, кого плохо обрезали, – сколько лет прошло! Так самое ж разумное – повторить процедуру. Для всех членов совета повторить. У меня есть телефон хорошего мозля. Нашего, хабадского. Денег он берет немного, а работает... Чтoб уже Арафату голову так обрезали!

– Благодарю за помощь, – реб Вульф повернулся и пошел к выходу. Члены совета молча последовали за ним.

– Так дать вам телефон мозля? – крикнул вдогонку неунывающий меламед.

Реб Вульф на секунду остановился.

– Мы обсудим ваше предложение на очередном заседании совета, – произнес он «государственным» тоном. – Еще раз благодарим за помощь.

На улице темнело. Песочные громады высотных домов казались еще выше на фоне бутылочно-синего неба. Старые тополя вокруг «Ноам алихот» чуть покачивались под дуновениями вечернего ветерка, словно еврей на молитве.

О посещении хабадской синагоги никто из членов совета не вспоминал. И разговор о рекомендации Ребе никогда не заходил – ни словом, ни полусловом. Будто не было этого письма, и глумливое предложение свое меламед никогда не произносил, поперхнувшись посередине вдоха. Лиловый воздух реховотских сумерек поглотил события того вечера. Бесследно, навсегда.

Открыв синагогу, члены совета включили свет в большом зале и осторожно вошли внутрь. Как всегда, приятно пахло старым деревом, матово светились недавно выбеленные стены, поскрипывал дубовый паркет – удивительная, неправдоподобная роскошь для Израиля. «Бима», окруженная заново отлакированными столбиками ограждения, мирно возвышалась посреди зала. Большая «тройка» остановилась у того самого места, где совершался традиционный поклон, и прислушалась.

Тихо. Даже сверчки, распуганные демонами, не тянули свою песенку. Тихо.

– А может... – неуверенно начал реб Вульф. Но не успел он закончить фразу, как из глубины «бимы» раздался сатанинский хохот.

– Провались, наваждение, – в сердцах сплюнул на паркет реб Вульф, и члены совета поспешно ретировались в маленький зал.

– Завтра поеду к Томографу, – выдвинул очередную идею Нисим. – Сколько ни будет стоить, а привезу его сюда. Так дальше жить нельзя. Или Ренессанс, или закрываем синагогу.

– Нельзя, – согласился реб Вульф.

– Нельзя, – ржавым эхом проскрипел Акива.

Томографом называли сефардского еврея из Сдерот – уютного городка, затерянного в охряных барханах Негева. Молва приписывала ему невероятные свойства, он якобы видел человека насквозь, точно томограф, и мог без всякой медицинской аппаратуры поставить пра-

вильный диагноз. Откуда взялся Томограф, кто были его духовные учителя, никто не знал, а сам он никогда не рассказывал. За аудиенцию он брал немалые деньги, но отбою от желающих не было: к нему на прием записывались чуть не за два месяца.

Нисим попросил секретаря принять его вне очереди: ведь дело, по которому он прибыл в Сдерот, касалось целой общины. Но секретарь, смуглый человечек с блестящими кудельками волос, высоким, рвущимся голосом и бегающими глазами, был неумолим.

Неумолимость – отличительное свойство секретарей. Видимо, они рождаются, изначально наделенные снисходительностью к делам посетителей, а повзрослев, подыскивают себе работу в соответствии с характером. Хотя бытует и другое мнение – что зачатки этих качеств приобретаются вместе с утверждением в должность, а затем всходят, подобно дрожжевому тесту, от тепла ежедневных скандалов с нахальными клиентами.

Аудиенцию Нисиму назначили через неделю. Не помогли ни просьбы, ни упреки.

– Неужели вы думаете, – спросил секретарь, возмущенно сдвигая брови, – будто ваша проблема важнее здоровья маленьких детей или одиночества женщин, годами ожидающих суженого? Так завелась у вас нечисть! Не под подушкой ведь завелась? А молиться можно и в другой синагоге.

Под шуршание песчинок, безмятежно струящихся из одной части стеклянной колбы в другую, Реховот постепенно наполнялся тревожными слухами. Хохот и завывания в «Ноам алихот» пробудили, казалось, навсегда уснувшие предания. Истории, еще вчера казавшиеся сказочными, сегодня выслушивались абсолютно серьезно.

С особенным трепетом рассказывали про *Нешикулу*²⁰ – демона, вселяющегося в женщин. В новомесячье, когда луна исчезает и ночное небо освещается только холодным светом звезд, *Нешикула* блуждает по городу, отыскивая себе жертву, и горе неосторожному, оказавшемуся у нее на пути. Внезапную смерть молодого авреха,²¹ потрясшую Реховот несколько лет назад, теперь однозначно приписывали *Нешикуле*.

А дело было так. Жена авреха отправилась в микву²² совершить ритуальное омовение. Аврех высадил жену у входа, отъехал на несколько десятков метров в сторону, заглушил двигатель и принялся ждать. Омовение обычно занимает около получаса, аврех открыл книгу и углубился в чтение.

Ждать жену у самой миквы закон не разрешает. Окувание, удаляя духовную нечистоту, порожденную менструальной кровью, делает женщину разрешенной мужу. Но чужим не положено знать, когда жена разрешена, а когда запрещена, поэтому, дабы избежать ненужных догадок и размышлений, мужчинам не разрешается коротать время у входа в микву, разглядывая выходящих из нее женщин.

Как раз в это время проходил мимо техник по установке кондиционеров. Несколько месяцев назад он ремонтировал у авреха кондиционер и, увидев клиента, остановился узнать, как дела. Разговор быстро перетек на более животрепещущие темы, ведь аврех принадлежал к религиозным сефардам, а техник был воинствующим атеистом ашкеназского происхождения. Им было о чем поговорить. Полчаса пролетели незаметно, и когда жена авреха вышла из ворот миквы, муж в пылу спора не обратил на нее внимание.

– А вот и раббанит!²³ – воскликнул техник. – Вы случайно встретились, или договорились заранее?

От сферы его представлений о жизни понятие «миква» располагалось на расстоянии нескольких световых лет.

---

²⁰ «Нешика» – на иврите – поцелуй.

²¹ После свадьбы ученик ешивы переходит в «колель», учебное заведение для женатых мужчин. Обучающегося в нем называют «аврех» – «преклоните колена» – подобно тому, как в Древнем Египте почтительно именовали Йосефа.

²² Миква – водный резервуар для омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты.

²³ Раббанит – на иврите – жена раввина.

– Что с ней? – озабоченно продолжил техник. – Раббанит не больна?

Действительно, жена авреха шла заплетающимися шагами, чуть не падая. Муж выскочил из автомобиля и бросился к ней. Он едва успел подхватить ее: молодая женщина, трепеща, повисла у него на руках.

– Поцелуй меня! – прошептала она чуть слышно.

– Что-что? – не понял аврех. – Что ты сказала?

Ему показалось, будто он ослышался. В присутствии посторонних, профессионально изучающие Тору люди избегают даже прикасаться к жене, а поцелуй на улице может присниться лишь в страшном сне.

Но действительность оказалось страшнее самых ужасных сновидений.

– Поцелуй меня! – продолжала шептать женщи– на. – Поцелуй немедленно, иначе умру.

Аврех оглянулся по сторонам. Вокруг стояла густая реховотская ночь, безлюдная улица, освещенная редкими фонарями, казалась совершенно пустынной. Мешал только техник, но, как известно изучающим Закон, опасность для жизни отталкивает самые строгие запреты, и аврех осторожно поцеловал щеку жены. От нее пахло шампунем и розовой свежестью миквы.

– В губы, – прошептала женщина. – Поцелуй меня в губы.

Аврех закрыл глаза, осторожно прикоснулся губами к влажному рту жены и умер.

Его бездыханное тело рухнуло на потрескавшийся асфальт, подмяв под себя мягкое тело женщины. Техник вызвал «скорую», карета примчалась спустя несколько минут, но врач смог только констатировать смерть мужа и глубокий обморок жены.

Очнувшись, бедняжка не могла ничего вспомнить. От выхода из здания миквы до пробуждения на больничной койке ее память представляла собой сплошное белое пятно.

Врачи объяснили это шоком, смерть же авреха, поскольку семья категорически отказалась от вскрытия трупа,²⁴ списали на закупоривший сердце тромб или обширный инсульт.

– Теперь же, – объясняли проницательные жители Реховота, – всё стало на свои места. *Нешикула* проникла в тело молодой женщины сразу за дверями миквы и, говоря ее устами, выпросила у мужа поцелуй. Известно, что при поцелуе душа соприкасается с душой, *Нешикула* забрала душу авреха и тут же исчезла.

– Если это она безобразничает в нашей синагоге, – предположил Нисим на очередном совещании большой тройки, – нужно выкрасить оконные рамы и дверные косяки в голубой цвет!

Он приподнял кипу и пригладил волосы. Его прическа представляла собой весьма замысловатое сооружение. Дабы прикрыть лысину, Нисим отрастил уцелевшие волосы и зачесывал их от краев к центру, перекрывая голую макушку. В итоге вокруг его головы струился пробор, издавелек напоминавший край кипы.²⁵ В сочетании с настоящим краем кипы пробор походил на обрамляющий крышу волнистый карниз – архитектурное излишество эпохи барокко.

– Я человек Ренессанса, – отшучивался Нисим, мешая в кучу века и стили, – и выгляжу соответствующим образом.

О Ренессансе он всегда думал, что это название банкетного зала в Тель-Авиве, пока случайно не посмотрел телевизионную передачу по каналу «Дискавери», примерил на себя одеяния гигантов и решил, что их одежда ему впору. С того времени к месту и не к месту он упоминал Ренессанс, снискав тем самым славу одного из образованнейших людей реховотского рынка. Дабы поддержать репутацию, Нисим регулярно заглядывал в Энциклопедический словарь и с его помощью вворачивал в свою речь непонятные для работников рынка слова и словосочетания.

---

²⁴ Религиозные предписания запрещают вскрытие тела без особо важных причин.

²⁵ Кипа – небольшая плоская шапочка, которую постоянно носят религиозные евреи.

– Почему именно в голубой? – уточнил реб Вульф. – У нас такой краской туалетный домик выкрашен. Нехорошо получится, непонятно.

– С туалетом случайно совпало, – возразил Нисим. – А голубой – символ неба. Небесные воды, сакральная чистота... Ну, вы понимаете. А демоны, вроде *Нешикули*, обитают в нижнем мире, заполненном черной ритуальной грязью, и посягнуть на них можно только с помощью голубого цвета.

– Нет, – поразмыслив, отверг эту идею реб Вульф. – Странно будет выглядеть наша синагога. Думаем дальше.

Он поскреб пальцами бороду и погрузился в молчание. Коротко подстриженную седую растительность на щеках и подбородке реб Вульфа трудно было назвать бородой. Считая ее отличительным признаком раввинов, реб Вульф тщательно соблюдал дистанцию, всем своим видом подчеркивая собственную незначительность. Он, простой служака, мог позволить себе только намек на бороду – скромный признак причастности к высшему обществу.

По той же причине он носил не черный, а темно-коричневый костюм, и в синагоге всегда молился в одном из последних рядов. Став председателем совета, реб Вульф не изменил своих привычек и по-прежнему разговаривал со всеми ровным мягким голосом, старался при встрече первым произнести приветствие, а любой возникающий между прихожанами конфликт разрешить полюбовно, отыскав компромисс, устраивающий обе стороны.

– На Кубе, – нарушил воцарившуюся тишину Акива, – был подобный случай. Я слышал его от деда, а он – от своего деда...

– Расскажи, расскажи! – оживился Нисим. – Может, альтернатива какая пробрезжит.

– Это произошло много лет тому назад – может, двести, может триста, – Акива говорил медленно, то и дело поглаживая усики. Его речь не журчала и не лилась, а погромыхивала, точно старая, хорошо поездившая на своем веку телега. После каждой фразы он на секунду замирал, будто примеряясь, продолжать или нет, но секунда заканчивалась, и погромыхивание возвращалось с неизменностью надежно работающего механизма.

– Неподалеку от Гаваны жил еврейский купец. Крепкий торговец, его слово ценилось не хуже векселя. Имени купца никто не помнит, а называли его Гевер – мужчина. Потому, что вел он дела, как подобает мужчине: честно, достойно, без всяких там шахер-махеров. В Европу Гевер отправлял корабли с ямайским ромом, кубинским сахаром, табаком и кофе, а привозил дорогую мебель, ткани, модную одежду, вина и украшения.

Семья у него, даже по тем временам, была большая – больше десяти детей. Жену он взял из-за океана – откуда-то из Польши или Германии. На людях она почти не появлялась, проводя все время в заботах по хозяйству.

Во всем, кроме одного, Гевер мог служить примером для подражания. Но это одно сильно портило ему жизнь. Происходивший из сефардских евреев, Гевер терпеть не мог Испанию. Он ненавидел испанские песни, презирал испанский язык, на котором говорил, бойкотировал испанские товары. Причина этой ненависти осталась неизвестной – возможно, в нем говорила обида изгнанных предков. Во всяком случае, с испанцами Гевер не торговал, чем сильно усложнил свой бизнес. Жену по той же причине он выбрал из ашкеназских евреев, выучил ее язык и разговаривал на нем с детьми и супругой.

И все же, несмотря на такую странность ведения торговли, дела Гевера шли прекрасно. Вскоре он разбогател настолько, что выстроил на берегу океана великолепную гасиенду. Огромный белый дом с башенками, просторным патио, галереей для прогулок, украшенной мраморными колоннами, флигелем для прислуги и глубоким, прохладным подвалом, куда по специальным рельсам закатывали бочки с ромом.

На сороковом году²⁶ жизни с Гевером произошло то самое событие, о котором я собираюсь рассказать. По торговым делам собрался он на Бермудские острова. Гевер не любил морские путешествия. Океан в те времена был беспокойным, пиратские бриги поджидали торговые суда в самых неожиданных местах. Сказать по правде, матросы на кораблях, принадлежащих Геверу, не сильно отличались от пиратов, а их капитаны были просто сущими разбойниками. Такие нравы царили в то время на флоте. Гевер хорошо знал, с кем имеет дело, и поэтому старался избегать морских путешествий. Но бизнес есть бизнес – иногда приходится жертвовать покоем и подвергаться опасности.

Корабль вышел из Гаванского порта рано утром. Стояла прекрасная погода, дул свежий ветер, и судно быстро продвигалось вперед. При удачном стечении обстоятельств путь от Кубы до Бермудов мог занять не больше двух суток. Но судьба распорядилась иначе...

На следующее утро корабль попал в полосу штиля. Океан лежал ровно, как ром в стакане, матросы от безделья слонялись по палубе и, перевешиваясь через борта, следили за мерным движением огромных медуз. Внезапно один из них закричал:

– Тонем, мы тонем!

Приглядевшись, капитан и помощник заметили, что судно действительно погружается в воду. Посланные в трюм матросы не обнаружили течи. Океан попросту затягивал в себя корабль – медленно, но неотвратно. Смертельный ужас сковал экипаж. Совершалось неведомое, бороться с которым было невозможно.

– Шлюпка! – закричал Гевер. – Моя спасательная шлюпка!

Несколько лет назад, прочитав в Талмуде про особые места в океане, где засасываются под воду предметы из любого металла, Гевер снабдил свои корабли специальными шлюпками, сработанными из чистого дерева. Даже уключины для вёсел представляли собой вделанные в борта петли прочного каната. Над Гевером потешалась вся Гавана, но его, похоже, это не задело.

– Одному слову Талмуда, – отвечал он насмешникам, – я верю больше, чем тысяче утверждений тысячи незнаек.

Бывалые капитаны с легкой усмешкой снисходительности разместили шлюпки на своих кораблях и думать о них позабыли. Блажит хозяин, мало ли что кажется ему из-за конторской стойки.

Но вот дурь и марево превратились в действительность. Шлюпка шлепнулась о воду, матросы быстро заняли места у весел, капитан и Гевер последними спустились по веревочной лестнице. Впрочем, спуском это уже нельзя было назвать: палубу от шлюпки уже отделяли какие-нибудь полтора метра.

Гевер уселся на корме, сжимая в руках бархатный мешочек с молитвенными принадлежностями и томиком Пятикнижия, матросы налегли на весла, и шлюпка стрелой помчалась по глади океана. Матросы гребли так, точно за ними гнался сам дьявол. Спустя несколько минут раздался оглушительный «чмок», и корабль словно провалился под воду. Сияющее зеркало сомкнулось над его мачтами, небольшая рябь чуть нарушила блестящую поверхность – и... всё. Будто не было здесь большого корабля, груженного многотонным грузом.

Шли на веслах почти сутки. Пресная вода из резервного бочонка быстро кончилась, коробка сухарей тоже. Утреннюю росу, выпавшую на бортах шлюпки, слизывали по очереди. Капитан сверял курс с компасом и звездами – до Бермудских островов при таком ходе, по его расчетам, можно было добраться за три дня. Конечно, если океан останется спокойным.

Взошло солнце, и на горизонте проступили очертания острова. Уставшие за ночь гребцы воодушевились, спустя полтора часа шлюпка уткнулась носом в песок небольшой бухты. Лес

---

²⁶ Сорок лет, с точки зрения иудаизма, считаются тем самым возрастом, когда мужчина достиг достаточных познаний в Торе и в Талмуде и может приступить к изучению тайной Торы – Каббалы.

подступал к самому берегу, из него доносились крики и щебетание невидимых птиц. Впадавший в бухту ручей оказался пресным, моряки напились вволю и улеглись под деревьями отдыхать после бессонной ночи.

Гевер отошел в сторонку, облачился в таллит,²⁷ наложил тфиллин²⁸ и приступил к утренней молитве. Но не успел он закончить благословения, как из лесу высыпали вооруженные люди и бросились на матросов. Через несколько минут весь экипаж был связан. Весь, кроме Гевера. Незнакомцы окружили его плотным кольцом и почтительно следили за молитвой. Гевер продолжал кланяться и раскачиваться так, словно вокруг ничего не произошло.

Закончив, он аккуратно сложил тфиллин и таллит в бархатный мешочек, уселся поудобнее на песке и принялся за чтение недельной главы Торы. Судя по всему, молитвенные принадлежности то ли отпугивали знакомцев, то ли внушали благоговение, и Гевер тянул время, рассчитывая на изменение ситуации. И оно не преминуло последовать: из толпы выступил человек, манерой и осанкой походивший на предводителя, и обратился к Геверу. Каково же было его изумление, когда тот понял, что незнакомец разговаривает на чистом иврите.

– Дорогой гость, – начал предводитель, – позвольте после окончания утренней молитвы приветствовать вас на нашем острове. Если обрел я благоволение в глазах дорогого гостя, не согласится ли он последовать в наши шатры для вкушения утренней трапезы.

Несколько секунд Гевер молчал, не в силах прийти в себя от удивления.

– Благодарю, – наконец ответил он, – и с удовольствием принимаю ваше предложение. А где экипаж моего судна?

– Необрезанных сначала накормят, – сказал предводитель, вежливо улыбаясь, – а затем отведут на работу. Праздность вредит уму и губительна для тела.

Шли долго – сначала через густой лес, потом мимо возделанных полей. По дороге предводитель рассказывал Геверу про остров. История звучала удивительно, но Гевер давно перестал поражаться диковинным историям, зная, что жизнь – удивительнее всего на свете.

Много веков назад к острову прибило трирему, на которой бежала от вавилонян небольшая группа изгоняемых «десяти колен».²⁹ После многих недель странствий, множества смертей и трагедий, разыгрываемых на борту корабля голодом, жаждой, а больше всего страхом перед неизвестностью, уцелевшие высадились на благодатный остров. Пищи на нем оказалось в достатке, и маленькая группка за века превратилась в небольшой народ. Все попытки бежать с острова заканчивались неудачей: ни одна лодка не вернулась обратно. Иногда океан выносил на берег обломки погибших кораблей, иногда – трупы, и лишь изредка на остров попадали уцелевшие после кораблекрушения моряки. Благодаря им островитяне примерно представляли, что происходит в сегодняшнем мире.

За всю историю существования малого народа евреи попадали на остров только два раза. Первый из спасшихся оказался простым человеком, с трудом разбиравшим Пятикнижие, а второй умер спустя несколько дней, так и не успев обучить жителей ничему новому.

– Мы слышали, – пожаловался предводитель, – что, помимо Пятикнижия, существует еще одна Святая Книга – Талмуд, но до нас она не дошла. Видимо, ее написали после изгнания десяти колен.

---

²⁷ Большое четырехугольное белое полотно из шерсти (с черными полосами) с кисточками на концах, которым накрываются взрослые евреи во время утренней молитвы.

²⁸ Тфиллин – по-гречески – филактерион, откуда русское название «филактерии»; аналогично и в других европейских языках, две маленькие коробочки из выкрашенной черной краской кожи, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы.

²⁹ После разгрома Северного Израильского царства десять живших в нем колен еврейского народа были уведены в Вавилонию, а затем следы их теряются. Согласно преданию, они поселились за некоей рекой Самбатюн и после прихода Мессии вернутся в Землю Израиля, чтобы воссоединиться с остальным еврейским народом. Существует множество версий о том, кто именно является потомками десяти колен. Некоторые исследователи относят к таковым некоторые племена жителей Афганистана; некоторые – даже японцев.

Спустя полчаса показались строения: невысокие хижины, покрытые пальмовыми ветвями. Посреди деревушки возвышалось деревянное здание с куполом.

– Синагога? – спросил Гевер.

– Что-что? – уточнил предводитель.

– Дом молитвы, – пояснил Гевер, – сообразив, что слово «синагога» во времена десяти колен еще не существовало.

– Конечно, – ответил предводитель. – Разве можно его с чем-нибудь перепутать?

Перед входом в синагогу собралась толпа. Завидев Гевера, люди уважительно расступились, образуя проход. Он шел по нему, озираясь по сторонам и недоумевая, чему обязан таким почестям.

Островитяне были одеты просто, их одежда напоминала грубую дерюгу. У мужчин и женщин распущенные волосы до самых плеч, грубые, словно вытесанные каменным топором лица, но на них живые, бегающие глаза.

Перед крыльцом стоял человек в белом, ниспадающем до земли балахоне. Голову его украшал высокий тюрбан, наподобие тех, что носили священнослужители в Иерусалимском Храме.

«Наверное, это раввин», – подумал Гевер.

– Возлюбленный гость наш, – произнес «раввин», протягивая Геверу руку, – добро пожаловать в Дом собраний.

Внутри Дом собраний ничем не отличался от синагоги: такие же ряды лавок, возвышение посреди зала, украшенный резьбой шкаф для свитков Торы.

– Я слышал, что вы привезли с собой тфиллин? – не скрывая волнения, произнес «раввин».

– Да, вот они, – показал Гевер бархатный мешочек.

– Дай, дай наложить!

Дрожащими руками он выхватил мешочек из рук Гевера, расстегнул и принялся неумело наматывать на руку.

– Последние тфиллин, привезенные нашими предками, испортились двести лет назад, – пояснил он. – С тех пор мы только мечтаем о выполнении этой заповеди.

Гевер помог «раввину» правильно наложить тфиллин, тот накинул на голову край балахона и забормотал что-то, слегка подвывая в конце каждой фразы.

Лица стоявших вокруг выражали почти плотское вожделение. Они смотрели на «раввина» с явной завистью, и Гевер подивился и порадовался столь яркому проявлению духовности.

Закончив молитву, «раввин» снял тфиллин и, осыпая их бесчисленными поцелуями, уложил в мешочек. Поцелуи эти были Геверу неприятны. «Так целуют женщину, – подумал он, – а не святыню».

Нехотя, точно преодолевая себя, «раввин» вернул мешочек Геверу.

– И нам, и нам, мы тоже хотим, – загудели окружающие.

«Раввин» строго зыркнул на гомонивших, и ропот смолк.

– Прошу разделить с нами трапезу, – предложил он Геверу.

В соседнем, небольших размеров зале был накрыт стол. На трапезу, кроме «раввина», были приглашены еще несколько человек, очевидно, приближенные. Внимательно осмотрев стол, Гевер выбрал бананы, земляные орехи и печеные бататы.

– Вот свежее мясо, – предложил «раввин», – рыба, пойманная на рассвете, еще теплый хлеб.

– Нет, нет, – благодарю, – отказался Гевер.

– Какая праведность! – восхитился «раввин». – Наконец-то Небеса послали нам святого человека.

Гевер не был ни святым, ни особо праведным, но элементарные правила кашрута³⁰ он соблюдал и поэтому никогда не ел у незнакомых людей, даже если они были ему симпатичны. Кроме того, он подозревал, что за сотни лет полной изоляции островитяне могли подзабыть или перепутать законы, и поэтому выбрал наименее опасные с точки зрения кашрута продукты.

– Вот вы-то и научите нас Талмуду! – радостно восклицал «раввин». – Как прекрасны шатры твои, Яаков, словно венок спелых колосьев, будто овцы на холмах Башанских!

– Талмуд – это не просто, – ответил Гевер, слегка удивленный вольным цитированием,³¹ – его начинают учить с самого детства.

– Ну, – перебил его «раввин», – если дети в состоянии понять, неужели мы не разберемся!

Он подмигнул сотрапезникам, и те ответили ему довольными улыбками и смехом.

– Давайте проверим, – не согласился Гевер. – Я задам вам три загадки – посмотрим, сможете ли вы на них ответить.

«Раввин» согласно кивнул головой.

– Двое упали в печную трубу, – начал Гевер. – Один испачкался, а другой нет. Кто пойдет мыться?

– Что ж тут непонятного? – удивился «раввин». – Грязный пойдет, а чистый останется.

– Неправильно, – ответил Гевер, в свою очередь, дивясь недогадливости «раввина». – Грязный посмотрит на чистого и решит, что он тоже чистый. А чистый посмотрит на грязного и пойдет мыться.

– Умно, – согласился «раввин», крутя бороду. – Задавайте второй вопрос.

– Двое упали в печную трубу. Один испачкался, а другой нет. Кто пойдет мыться?

– Как это кто? – вытарашил глаза «раввин». – Решили ведь, что чистый пойдет.

– А вот и нет. Грязный посмотрит на чистого и решит, что он тоже чистый. А чистый увидит грязного, пойдет к зеркалу и убедится, что он не испачкался. В итоге оба не станут мыться.

– Гм, – хмыкнул «раввин». – Это и называется Талмуд?

– Это лишь вступление. Но мы не закончили.

– Да-да... Задавайте последний вопрос.

– Двое упали в печную трубу. Один испачкался, а другой нет. Кто пойдет мыться?

– Никто не пойдет! – рассержено буркнул «раввин». – Другого ответа быть не может.

– Почему не может?! – улыбнулся Гевер. – Где это вы видели, чтобы два человека упали в печную трубу и один перепачкался, а второй нет. Так не бывает. А значит, все рассуждения придется повторить сначала. Вот с этого и начинается Талмуд.

Оглядев вытянувшиеся физиономии присутствующих, Гевер предложил:

– А зачем вам Талмуд? Наизусть я его не помню, а книг у вас нет. Давайте начнем с Пятикнижия с комментарием Раши, рабейну Шломо Ицхаки. Вы знаете, кто такой Раши?³²

«Раввин» отрицательно покачал головой.

– Действительно, – улыбнулся Гевер, – откуда вам его знать? Раши ведь жил во Франции, в одиннадцатом веке.

– Это неважно, где он жил и когда, – сказал «раввин». – Давайте начнем учиться!

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

---

³⁰ Кашрут – дозволенность или пригодность с точки зрения еврейского Закона. Распространяется не только на правила приготовления пищи, но и на широкий круг юридических и ритуальных проблем.

³¹ «Раввин» процитировал несколько разных отрывков из Танаха, говорящих о совершенно разных понятиях, превратив их в одно целое.

³² Раши (акроним словосочетания рабби Шломо Ицхаки; Шломо бен Ицхак; 1040, Труа, – 1105, там же) – крупнейший средневековый комментатор Талмуда и один из видных комментаторов Библии; духовный вождь еврейства Северной Франции.

С этого момента жизнь Гевера на острове протекала следующим образом: с самого утра, после молитвы, он давал урок по недельной главе «раввину» и всем присутствующим в Доме собрания. Затем приходили жители ближайшего поселка, и Гевер повторял урок для них. После завтрака его уже ждали мужчины из более отдаленной деревни, а к обеду поспедали обитатели противоположного конца острова.

Такой образ жизни Гевера вполне устраивал, раздражало лишь одно: каждый ученик просил надеть тфиллин и делал это с такими гримасами восторга, топотом и повизгиванием, что Геверу становилось не по себе. Нет, он, конечно, понимал радость еврейской души, получившей наконец-то возможность исполнить столь важную заповедь, но способы выражения этой радости приводили его в замешательство.

«Раввин» приходил накладывать тфиллин утром и на закате. И хоть твердил ему Гевер, что тот, кто добавляет – ет, – уменьшает, «раввин» оставался при своем мнении.

– Для меня тфиллин, – говорил он, жадно наматывая ремешки, – деликатес, изысканное лакомство. Хочь насладиться им полной мерой.

Через месяц «раввин» пригласил Гевера к себе в дом на субботнюю трапезу. Субботняя служба проходила необычайно быстро – возможно, оттого, что Тору не читали (ведь свитка в синагоге не было), а молитвы были несколько иными, чем те, к которым привык Гевер. Ничего удивительного в этом он не усматривал, ведь островитяне очень давно оторвались от еврейского народа.

Молились островитяне по памяти, и только у кантора, торжественно выводившего свою мелодию, была книга. Но заглянуть в нее по непонятной причине Геверу не давали. Во время молитвы кантор прикрывал ее полами таллита, а сразу по окончании запирали в шкаф. На просьбу посмотреть, что написано в молитвеннике, «раввин» отказал, туманно ссылаясь на разные законы, обычаи и порядки. Гевер не решился настаивать: не хотят, ну и ладно, хотя, честно говоря, любопытство разбирало – как же молятся потомки десяти исчезнувших колен?

В доме «раввина» за столом, уставленным всевозможной снедью, чинно восседала большая семья. Гевера представили всем по очереди. Когда процедура закончилась, ему указали место рядом с хозяином дома. Но не успел он сесть, как дверь отворилась и в комнату вошла девушка. Гевер взглянул на нее и замер. Такой дивной, невозможной красоты он и представить себе не мог.

– Это моя дочь – Махлат, – произнес «раввин». – Да садитесь, садитесь, неужели она так напоминает Сдом и Амору, что вы превратились в столб?

– Она прекрасна, – едва смог вымолвить Гевер, опускаясь на скамью. – Я в своей жизни еще не встречал такой красавицы.

– Хм, – кашлянул «раввин». – Ну, коль вы так считаете, женитесь на ней. Для меня будет честью породниться с великим знатоком Торы.

– Но я женат. На Кубе меня ждет семья.

– Эхо-эх! – вздохнул «раввин», – Где она, эта Куба? Боюсь, что вам ее больше не увидеть. Да и чем плохо у нас? Вас уважают, вся ваша жизнь посвящена Торе, осталось только жениться и создать семью. Махлат, ты согласна выйти замуж за нашего гостя-мудреца?

Гевер хотел было возразить, но Махлат, поспешно кивнув головой, одарила его таким взглядом, что всё его прошлое, все удачи и неудачи, рождение детей, тихие радости семейной жизни и вообще всё, всё, всё на свете стало неважным и малозначительным. Тоска по дому, родным, друзьям, то, что плавало на поверхности его памяти, бередя и смущая, словно корабль, с легким «чмоком» ушло вниз и скрылось в мутной глубине подсознания.

– А вы, достопочтенный гость, – продолжил «раввин», – согласны ли вы взять в жены мою дочь Махлат?

– Согласен, согласен, – пробормотал Гевер, сжимая губы, чтоб не закричать от радости.

Свадьбу сыграли через неделю. «Раввин» подарил зятю дом, полный всяческой утвари, и началась новая, счастливо бегущая жизнь. Махлат оказалась чудесной женой – чудесной во всех отношениях, и в ее смуглых объятиях Гевер нашел покой и забвение.

К лету она забеременела и на осенние праздники уже еле смогла подняться на второй этаж Дома собрания, где располагалась женская половина. Поэтому на Симхат Тора³³ Гевер настоял, чтобы Махлат осталась дома.

Этот праздник гуляли на острове по-особенному. После короткой молитвы все уселись за столы, накрытые в малом зале. На столах в изобилии стояли бутылки с местной водкой, убойной жидкостью, которую гнали из гуавы. Один раз, в гостях у тестя, Гевер отхлебнул глоток и навсегда зарекся прикасаться к этой отраве.

Островитяне заглывали пойло целыми стаканами, хищно и жадно, и быстро хмелели, а, захмелев, возвращались в главный зал и пускались отплясывать вокруг «бимы». Вскоре Дом собраний оказался заполненным пьяными. С покрасневшими лицами они мерно ходили по кругу, горланя песни, размахивая руками, подпрыгивая, как бы изображая веселье и упоение. Картину народного ликования портили только лица: одеревенелые, с застывшими навывкате глазами.

Один из танцующих вскарабкался на «биму» и, с трудом балансируя на перилах, начал размахивать огромным желтым флагом. На флаге была изображена корона, под которой огромными буквами вилась надпись: «Да здравствует Царь!»

О каком Царе шла речь, было непонятно, но Гевер решил, что, по всей видимости, имеется в виду Всевышний, Царь своего народа.

Стоящий на «биме» сделал слишком резкий замах, покачнулся и, отбросив в сторону флаг, рухнул прямо на головы танцующих. Разнесся испуганный «ах» – наверное, кому-то досталось – толпа сначала замерла, а потом раздалась, оставив на полу неподвижное тело.

Все взоры устремились в сторону раненого, а Гевер, дернув дверцу шкафа, в котором прятали молитвенник, обнаружил, что ее забыли запереть. Наконец-то представилась возможность рассмотреть, что же там написано! Быстро распахнув дверцу, он засунул в шкаф голову и наугад раскрыл молитвенник. Спустя несколько секунд, отпрянув, словно укушенный змеей, он в ужасе прислонился к стене. В молитвеннике там, где обычно пишут имя Б-га, было написано Ашмедай.³⁴

– Так вот оно как! – в остолбенении шептал Ге–вер. – Значит, я полгода учу Торе демонов, и полгода они накладывают мои тфиллин. Сколько же несчастий они причинили миру благодаря полученной от меня силе. А «раввин» – он же по два раза в день приходил подзирать!

Гевер вспомнил о жене и задрожал всем телом.

– Б-же, мой, Б-же, Б-же мой, значит, и Махлат – демон, а ребенок в ее чреве – моё потомство от демона!

Оставшуюся часть праздника Гевер просидел за стеной Дома собрания, мрачно уставясь во влажный сумрак ночи. Из ярко освещенных окон доносилось пение танцующих бесов.

– Что они празднуют? – думал Гевер. – Если все создано в зеркальном отражении, то у них, стало быть, тоже есть своя Тора и свой день ее получения. Но мне, мне-то как быть со всем этим?

План созрел часа через два. Гевер вернулся в синагогу и слился с толпой.

---

³³ Симхат Тора (на иврите – радость Торы) – праздник, в который завершается годичный цикл чтения [Торы](#) и сразу же начинается новый.

³⁴ Имя царя демонов.

После праздника все пошло по заведенному порядку. Гевер вел себя так, будто продолжал пребывать в полном неведении. В субботу на третьей трапезе за столом у тестя он вдруг предложил.

– Все-таки, есть недостаток в нашем служении Всевышнему, и я знаю, как его исправить.

– Как же, сынок? – поощрительно улыбнулся «раввин».

– Я вернусь на Кубу, куплю самый лучший свиток Торы, несколько десятков пар тфиллин и привезу на остров.

– Но ты не сможешь даже отплыть от берега. Пучина засасывает всех, кто до сих пор пробовал это сделать.

– У меня особая шлюпка, – ответил Гевер. – Так же, как я добрался сюда, я смогу вернуться в открытый океан, а оттуда достигнуть Бермуд. Мне нужен мой экипаж: матросы для гребли и капитан для ориентации по звездам.

«Раввин» задумался. Гевер хорошо представлял, что крутилось в его бесовской голове. Нежелание отпустить уже прирученную жертву сталкивалось с пьянящей перспективой заполучить настоящий свиток Торы плюс десятки пар тфиллин.

– Хорошо, – произнес «раввин» после долгого раздумья. – Но ты дашь клятву, что вернешься не позже, чем через год.

– Много ли стоит клятва, данная демону? – усмехнулся про себя Гевер и согласился.

Прощание с Махлат оказалось нелегким. На последнюю ночь она приберегла такие уловки и приемы, что утром Гевер с трудом заставил себя разомкнуть ее объятия и выбраться из постели.

Почти всё население острова собралось на берегу пожелать шлюпке удачного плавания. Впереди в белом балахоне, поддерживая горестно плачущую дочь, стоял «раввин». Он молча пожал Геверу руку.

– Смотри, сынок, не забывай клятву, – то ли предупредил, то ли пригрозил он.

Через сутки шлюпка благополучно добралась до Бермудских островов, Гевер сел на корабль и, навсегда зарекась плавать по морю, вернулся на Кубу. О демонах он никому не рассказал, но стал особенно усердно молиться и увеличил количество занятий Торой. Тфиллин, привезенные с острова, он сразу похоронил в генизе.³⁵

Год прошел быстро, и чем ближе подступала дата обещанного возвращения, тем сильнее наваливалось на Гевера беспокойство. В ночь окончания срока он почти не спал, а день провел в синагоге. Но ничего не случилось. Совсем ничего. Миновал еще день, и еще один, неделя, другая...

Когда секретарь объявил о приходе очередной посетительницы, Гевер не обратил на нее никакого внимания. Он даже не поднял голову, дочитывая срочную бумагу. Каждый день в его контору приходили десятки просителей, и все хотели поговорить именно с хозяином. Как правило, их дело заканчивалось небольшой суммой, поэтому мелкие деньги Гевер держал в выдвижном ящике письменного стола. Дочитывая письмо, он машинально выдвинул ящик и засунул в него руку.

Подняв голову, он замер с рукой, запущенной в письменный ящик. Перед ним стояла Махлат – еще более красивая, чем при расставании, а на руках у нее спало их общее дитя – маленький кудрявый демон.

– Отец давно понял, что ты догадался, – сказала Махлат. – И отправил меня к тебе.

Гевер молчал. Происходящее казалось сном, фантазией, дурной сказкой. Махлат расплакалась.

– Разве я виновата, что родилась демоном? Разве ребенок виноват, что ты его отец? И нам хочется немного любви и радости. Мы ведь тоже твоя семья! Гевер молчал. Он ожидал

---

³⁵ Специальное место в синагоге, где хранятся испорченные ритуальные принадлежности и книги.

чего угодно, но только не такого поворота событий. Ребенок проснулся, покрутил лобастой головой, посмотрел на Гевера и заплакал. Махлат присела на стул, не стесняясь, обнажила крепкую молодую грудь и засунула набухший сосок в ротик младенца. Он приник к ней и принялся жадно сосать.

Тысячи разных мыслей, планов и решений промелькнули в голове Гевера. Но обнаженная грудь подняла в нем волну такого безумного вожделения, что все эти планы, мысли и решения мгновенно испарились, сгинули без следа, словно морская пена под жаром полуденного солнца.

– Нам ничего не нужно, – сказала Махлат. – Разреши только поселиться в подвале твоей гасиенды. Никто про нас не узнает. Мы будем очень осторожны, мы умеем, ты ведь знаешь, кто мы.

Гевер кивнул.

– Ты сможешь приходить ко мне иногда, когда захочешь, когда сможешь. И все будет хорошо.

Гевер согласился. Да и кто бы смог устоять перед демонскими чарами? Люди, впоследствии мельком видевшие Махлат, рассказывали, будто она была уродлива до омерзения. Но Геверу она казалась прекраснейшим созданием на свете.

Так началась его двойная жизнь. Несколько лет никто ни о чем не догадывался. Частые посещения подвала не вызывали подозрений, тем более что Гевер заполнил его до самого верха разного рода товарами. Бывало, что после субботней трапезы он спускался на полчаса в подвал, объясняя это беспокойством или внезапно пробудившимся подозрением. Какими ласками потчевала его Махлат посреди бочек с ромом под дурманящий аромат сигар и корицы, какими бесовскими чарами заговаривала и улещала – можно лишь догадываться.

В конце концов тайное вышло наружу. То ли Махлат надоело скрываться, то ли Гевер почувствовал себя чересчур уверенно, но среди прислуги стал потихоньку распространяться слух о демонах, поселившихся в подвале. Вскоре слух дошел до жены Гевера. Поначалу она только отмахивалась, но, присмотревшись к поведению мужа, поняла, что слухи не беспочвенны.

Одним из вечеров, когда Гевер, окончательно потеряв бдительность, даже не запер изнутри дверь, жена застала его с Махлат в позиции, не допускающей разночтений. Разразился страшный скандал: тихая европейская жена орала громче самой базарной кубинки.

Гевер рассказал всё, как есть, и жена потребовала, чтобы он обратился в раввинский суд.

– Если ты не смог сам справиться с бесами, пусть ими займутся ученые люди.

Суд выслушал рассказ Гевера и приказал привести Махлат. Всё было обставлено под покровом глубочайшей тайны, дабы не вызвать ненужных слухов и сплетен. В зале заседаний, кроме судей и непосредственных участников событий, никого не было.

Поначалу Махлат отказалась явиться на заседание, но посланец суда пригрозил заклясть ее Шем Амефораш, непроизносимым именем Б-га, и строптивость демона тут же испарилась.

Суд выслушал обе стороны, рассмотрел обязательства Гевера перед первой и второй женой, принял во внимание клятву и постановил:

1. Поскольку свадьба с Махлат была совершена не в соответствии с законом, брак считается недействительным и правами жены, обозначенными в брачном контракте, Махлат не обладает.

2. Поскольку Махлат не является человеком, невозможно распространить на нее статус налогоплательщицы.

3. Поскольку Махлат является демоном, то сношения с ней отвратительны, противоестественны и недопустимы.

4. Гевер обязан прекратить всякую связь с демоном и немедленно изгнать его из своего дома.

Махлат потупилась. Слезы закапали из ее чудесных глаз.

– Если суд так считает, – едва выговорила она, – я уйду сама. Не нужно меня выгонять. Об одном лишь прошу: разрешите поцеловать моего мужа последний раз в этой жизни.

Судьи не ответили, Махлат легко скользнула к Геверу, обняла и прильнула губами к его губам. Спустя секунду он обмяк и бездыханным выскользнул из ее объятий.

– Противоестественны и запрещены! – вдруг захохотала Махлат. – Изгнать из дома! Ха-ха-ха!

Ее смех вовсе не походил на женский. Скорее, он напоминал раскаты грома – грозное предвестие надвигающейся бури.

– Он женился на мне по нашим законам, я его жена, и подвал гасиенды принадлежит мне и моему потомству. Душа моего мужа навсегда останется со мной, а тело, – она небрежно пнула концом туфельки распростертый на полу труп, – тело можете оставить себе.

Махлат взмахнула рукой, и прекрасные черты юной женщины опали с ее лица, словно вуаль. Несколько мгновений на присутствующих в комнате злобно скалилось отвратительное, мерзейшее создание – раздался оглушительный «чмок», и оно исчезло. Будто и не стояла перед судьями красавица, благоухающая имбирем и корицей.

Тридцать дней траура Махлат вела себя тихо, лишь иногда из подвала доносились сдержанные рыдания. Когда же опечаленные родственники вернулись с кладбища, возложив камушки на свежестановленный памятник, по гасиенде начали разноситься хохот и завывания. Особенно безумствовал демон по ночам.

В подвале оставалось огромное количество товаров, но войти и забрать их никто не решался. Так продолжалось несколько месяцев, пока кто-то не надоумил вдову Гевера сделать *индулько*.

В подвал внесли стол, накрыли его самой лучшей скатертью и поставили на него самые изысканные блюда, самые дорогие вина, редкостные сласти, золотые кубки, фарфоровые тарелки и даже доску с шашбешом. Зажгли свечи в тяжелых серебряных подсвечниках, и вдова, оставшись в подвале одна-одинешенька, громко пригласила Махлат в знак примирения разделить с ней трапезу. Как и предполагалось, демон не отозвался. Тогда вдова ушла из подвала, оставив роскошно убранный стол для бесовских игр.

Через сутки она вернулась. Тарелки были пусты, вино выпито. Но с тех пор хохот и завывания прекратились, и лишь в те ночи, когда тяжелая луна нависала над крышами гасиенды, из подвала слышался жалобный детский плач.

Вскоре вдова оставила усадьбу: соседство с демоном, пусть даже умиротворенным, было ей не по душе. Гасиенда пошла внаем по дешевке, ведь история о демоне быстро разлетелась по всей Кубе, и в ней поселился небогатый люд, готовый из-за дешевизны жить где угодно. Говорят, будто Махлат нашла себе другого мужа из новых жильцов и родила от него несчетное потомство.

Прошли годы, многое забылось, многое стало казаться выдумкой. Что стало с вдовой Гевера и с его детьми, никто не знает. Возможно, они вернулись в Европу, а возможно, их потомки до сих пор живут на Кубе. Сохранилось лишь имя гасиенды, ее называли по имени незадачливого купца, и по-испански оно звучит: Гевара.

Акива замолк и многозначительно поглядел на присутствующих. Но вся эффектность концовки рассказа повисла в воздухе: ни реб Вульф, ни Нисим не интересовались ни историей Кубы, ни родословной ее революционных вождей.

Низкое закатное солнце светило сквозь узкие окна синагоги, ложась желтыми квадратами на лаковый блестящий пол, выхватывая из фиолетового сумрака и поджигая угол скамьи, забытую на столе книгу, таллит, приготовленный для завтрашней молитвы. Сколько очарования было в этом синеющем воздухе, в дрожащей, годами намоленной тишине. Сколько просьб прошепталося здесь трясущимися от волнения губами, сколько благодарностей произнеслось и пролилось слез умиления. Неужели всё должно пойти прахом, исчезнуть, развеяться, как

дым, неужели какой-то зловещий хохот должен разрушить уют, создававшийся многими десятилетиями?!

– *Индулько!* – вскричал Нисим, слегка ошарашенный необычайной многословностью Акивы. – Нужно сделать *индулько!*

Акива одобряюще кивнул.

– Именно это я и хотел предложить.

– Мне ничего не известно о таком обычае, – возразил реб Вульф. – Мы станем посмешищем в глазах всего Реховота.

– Посмешищем туда, посмешищем сюда, – не уступал Нисим, – главное – от бесов избавиться. А сделаем так, что никто не узнает. Сами накроем стол, только мы трое, сами же и уберем. Все будет культурно и чисто, одним словом – полный Ренессанс!

– Рав Штарк всегда повторял: есть вера, а есть суеверия. И голова дана еврею для того, чтобы отличать первое от второго.

Реб Вульф перевел взгляд на Акиву:

– История про Гевера и демонов, а в особенности *индулько*, представляется мне суеверием чистой воды.

– Не знаю, чем она тебе представляется, – проскрипел Акива, израсходовавший за последние полчаса годовой запас красноречия, – но у нас на Кубе ее рассказывали, как абсолютно достоверное происшествие.

– Слушай, реб Вульф, – перебил его Нисим, – а приготовь-ка ты свой чолнт. Вот будет всем *индулкам индулько*. Такое угощение любых бесов умиротворит!

Реб Вульф не ответил. Его взгляд, только что обращенный на собеседников, внезапно изменил направление. Староста сидел отрешенный, легонько покачиваясь и рассматривая лишь ему видимую точку где-то в глубине самого себя. Им овладели мысли о чолнте...

Да что же такое реб Вульф? Кто он, в самом-то деле? Судя по тексту – заурядный служака в синагоге маленького городка! А если не так, если под маской служки прячется скрытый праведник, или перешедший в еврейство наследник испанского престола, или другая чем-нибудь выделяющаяся личность, то почему автор до сих пор не удосужился сообщить обо всем этом читателю?!

Все люди талантливы, каждый человек рождается, чтобы принести в мир нечто новое, обогатить его чудесным светом индивидуальности. Увы, не каждому открывается, для чего он рожден, а в результате мир несет двойную потерю: хорошее дело сиротливо остывает, дожидаясь нужного человека, а нужный человек неприкаянно мечется по миру в поисках хорошего дела. Реб Вульф счастливо избежал такой участи, еще в юности обнаружив свое призвание.

Подобно тому как нет двух одинаковых семей, не существует двух одинаковых чолнтов. Его приготовление больше похоже на священнодействие, чем на обыкновенную стряпню. Характер, привычки и даже фобии повара проявляются в чолнте, как будущее в хрустальном шаре средневековых магов.

Реб Вульф, тихий, незаметный реб Вульф, по праву считался непревзойденным мастером чолнта. Дабы отведать его стряпню, в «Ноам алихот» приезжали из других городов, останавливаясь на субботу у друзей и знакомых. Правда, после смерти рава Штарка реб Вульф баловал прихожан все реже и реже, но тем значительней было нетерпение, выше накал страстей перед началом субботы. Войдя пятничным вечером в синагогу, молящиеся первым делом принюхивались: не заполнена ли она чудесным, дивным запахом, нисходящим не иначе, как прямо из рая. И если такое случалось, встреча субботы происходила с необычайным подъемом, радостно и страстно, как и полагается встречать невесту томящемуся от нетерпения жениху.

Много лет назад некий корреспондент ухитрился выманить у реб Вульфа рецепт его чолнта. И хотя выполненный в абсолютном соответствии с рецептом чолнт, тем не менее, сильно отличается от небесного блюда, подаваемого баловням судьбы в «Ноам алихот», невоз-

можно удержаться и не привести целиком эту небольшую заметку. Корреспондент в поисках аутентичности попросту воспроизвел записанный на диктофон монолог реб Вульфа, предоставив читателю возможность самому оценить неповторимый свет индивидуальности реховотского кудесника.

«Уже долгое время чувство ответственности подталкивает меня выйти из моего замкнутого мира и преподнести читателю хотя бы некоторые сведения о сущности и тайне приготовления субботнего чолнта. Множество людей из поколения в поколение пытаются прояснить этот болезненно преследующий нас вопрос. А то, что происходит из поколения в поколение, свидетельствует об отсутствии исчерпывающего ответа.

Изучая природу, космос, мы обнаруживаем, что всё окружающее нас существует и действует в соответствии с четкими, целенаправленными законами. Глядя же на самих себя как на вершину творения природы, мы обнаруживаем человечество как бы вне этой системы. Созерцая, сколь мудро создана каждая клетка нашего тела, человек постоянно задает себе вопрос: для чего существует этот сложнейший и тончайший организм?

И субботний чолнт дает если не полностью, то, несомненно, частично удовлетворяющий ответ: человек сотворен для того, чтобы есть чолнт. Поэтому, опираясь на труды выдающихся мастеров нашего времени – Илы Альперт и Гиля Хогава, я взял на себя смелость в доступной форме рассказать немного о философии приготовления сего Б-жественного блюда.

Бобовые важно покупать только в шумном и бойком месте, там, где часто меняются посетители и товар не залеживается. Поэтому в одной особой лавочке на реховотском рынке я покупаю хумус,³⁶ пшеничные зерна, грецкие орехи и сушеную голубику. В другой лавочке – напротив – специи: шелуху мускатного ореха – она явится ключевым элементом в колбаске, а также корицу, молотый имбирь, куркум и черный перец.

Картошку я ищу в ларьке на том же рынке, и должна она быть некрупной и очень свежей. Марлевые пеленки также имеет смысл покупать на рынке: там они хорошего качества и недорогие.

Выбор мяса играет первостатейную роль в судьбе чолнта, можно даже назвать его судьбоносным. У каждого готовящего должен быть только один, избранный им мясник, которому нельзя изменять ни при каких обстоятельствах.

Жирная шпондра хорошо сочетается с «ореховым» вырезом и с ломтями коровьей голяшки. Совмещение щеки, хвоста и мозговых костей оказывают на чолнт весьма удачное влияние, но может сработать и другое сочетание, и тут важно посоветоваться со своим мясником. Вдохновение, посылаемое ему свыше, подскажет наиболее счастливое в каждый конкретный день соединение мясных продуктов.

Я всегда советуюсь с Моше, сыном Залмана, третья лавка от северного входа в мясной ряд, но он достаивает меня разговором лишь потому, что мы знакомы уже не первый год. Связь с мясником нужно пестовать и лелеять, не забывая поздравления с праздниками и сувениры по возвращении из-за границы. Хорошо иногда дарить мяснику бутылку-другую хорошего вина – просто так, без всякого повода, дабы возникшие между вами отношения носили щедрый и душевный характер.

Итак, кладем в кастрюлю стакан замоченных с вечера хумусных зерен, на них размещаем два ломтя коровьей ноги и четыре мозговые кости, сверху взваливаем шесть очищенных картофелин и перекрываем половиной килограмма коровьей щеки вперемешку с килограммом нарезанного ломтиками хвоста.

---

³⁶ Хумус – на иврите и арабском – сорт гороха. Точно такой горох встречается в республиках Средней Азии и называется там нахот. Нахот – основной компонент шурпы – узбекского супа. В Израиле он используется еще шире. Салат из хумуса – это самое распространенное блюдо, которое будет подаваться везде – и на обеде в рабочей столовой и на свадьбе.

Теперь наступает черед пеленки, в которую я заворачиваю колбаску, приготовленную по старинному рецепту моей бабушки. В блендер кладут 300 граммов говяжьего фарша, 200 граммов грецких орехов, два яйца, две столовые ложки панировочных сухарей, приправляют щепоткой корицы, молотого имбиря, чуточкой шелухи мускатного ореха, перцем, солью и тремя чайными ложками коричневого сахара. Натирают корочку одного лимона и размалывают все вместе.

В полученную смесь добавляют горсть сушеной голубики, снова перемешивают, расстилают пеленку и лепят на ней толстую колбаску. Хорошенько укутав ее пеленкой, крепко завязывают на концах и с нежностью укладывают в кастрюлю. Не будет нежности – не будет чолнта, об этом следует помнить на каждом этапе готовки.

Вокруг пеленки в кастрюле симметрично раскладывают 10 яиц, не забывая, что красота – не просто визуальное отображение действительности в нашем сознании, но активный элемент, эстетически изменяющий мироздание. Даже не будучи замеченной, красота сама по себе повышает нравственность мира.

Кастрюлю заливаем водой так, чтобы ее уровень слегка покрыл содержимое, и солим на глаз. Точная мера тут отсутствует: чуть переложил – чолнт окажется соленым, не доложишь – пресным. С этим нужно родиться, а рекомендуемые дозировки способны дать лишь самое общее представление о конечном результате.

Доводим до кипения, снимаем пену и оставляем томиться в духовке минимум на восемь часов. Температура должна быть такой, чтобы чолнт, не подгорая, медленно набирал вкус, запах и цвет. Но лучше всего поставить кастрюлю на «субботнюю плату»,³⁷ хорошенечко укутав толстым одеялом и прижав крышку гирей. Одеяло помогает теплу равномерно распространиться по всей кастрюле, а гиря гарантирует, что ничто никуда не убежит.

Когда чолнт готов, разрезаем пеленку, извлекаем колбаску и подаем ее нарезанной тонкими ломтиками на отдельной тарелке. У нее сводящий с ума вкус, колеблющийся между остротой и намеком на сладость. Остальные ингредиенты принято раскладывать по тарелкам, предварительно подогретыми до температуры чолнта. Помните: холодная тарелка – это признак неумехи и растяпы, которого нельзя даже близко подпускать к кухонной плите.

В состав чолнта входят четыре основных элемента мироздания – вода, огонь, воздух и земля, он состоит из представителей фауны и флоры, то есть является отражением космоса. Чолнт не едят, а вкушают, мудрецы называют этот процесс «совпадением с чолнтом», и главное в нем – не утоление примитивного голода, а высокая философия прислушивания к миру. Сосредоточенно вкушая чолнт, вы входите в резонанс с творением, и тогда открывается тайна. Знаюки утверждают, будто тому, кто просыпается августовским субботним полднем в Бней-Браке после чолнта, становится понятным эзотерический аспект пробуждения мертвых.

«Хочешь узнать человека – пригласи его на чолнт», – гласит древняя поговорка, и мой скромный опыт полностью подтверждает это утверждение».

– Однажды, – восторженно воскликнул реб Вульф, выходя из оцепенения, в которое обычно погружали его мысли о чолнте, – я рассказал раву Штарку подобного рода историю. Какую именно, точно уже не помню. Кажется, в ней фигурировал диббук, заброшенный дом, запятанные сокровища. Рав внимательно меня выслушал, а потом достал с полки книгу пророка Ишаягу.

– «Не будут посрамлены сыны моего народа, дети Израиля», – прочитал он вслух, и объяснил рабейну Саадия Гаон,³⁸ что речь идет о демонах. – Пока у мудрецов Израиля сохраняются знания и практические навыки обращения с этими существами, есть у них сила прояв-

---

³⁷ «Субботняя плата» – лист металла, которым накрывают огонь конфорки газовой плиты. На плате оставляют кастрюли с пищей, и благодаря этому она остается горячей на протяжении всей субботы.

³⁸ Саадия Гаон – бен Йосеф (882, Дилас, оазис Файюм, Египет (откуда прозвище ал-Файюми или ха-Питоми) – 942, Багдад) – крупнейший галахический авторитет, основоположник раввинистической литературы и еврейской рационалистической философии, языковед и литургический поэт.

ляться среди народов мира. – Сегодня же, – добавил рав Штарк, – знания забылись, поэтому все истории о демонах – не более чем выдумки бездельников.

– А кто же тогда смеется у нас в синагоге? – ехидно спросил Нисим.

– Не знаю, – ответил реб Вульф. – Но почти наверняка не демоны. Поэтому отправлять странные обряды мы не станем. После них в синагогу вообще никто не придет.

Прошла неделя. В самом пылу базарных баталий вдруг зазвонил мобильный телефон Нисима. Точнее, не зазвонил, а заиграл. И не просто заиграл, а хоральную прелюдию Баха: ведь Нисим как настоящий человек Ренессанса, не мог позволить себе опуститься до площадных мелодий типа Умм Кульсум.³⁹

Впрочем, ничего удивительного в самом факте звонка не было, для того ведь и носим мы эти аппаратики, чтобы добровольно лишиться себя остатков спокойствия, которые еще не успела отобрать у нас цивилизация. Удивительным было другое: на экране высветился номер секретаря Томографа. Немедленно прервав баталию, Нисим с величайшим почтением надавил кнопку и поднес телефон к уху.

– Достопочтимый раввин, – раздался голос секретаря, – посетит вашу синагогу завтра, ровно в шесть часов вечера. В помещении могут находиться только члены правления. Визит продлится не более получаса.

Нисим слегка оторопел: ну и прыть у этого Томографа! Неужели он собирается за полчаса разобраться с нечистой силой?

– Вы меня поняли? – слегка раздраженно спросил секретарь.

– Понял, понял, – поспешно заверил Нисим.

Томограф приехал на роскошной «Мазде» с тонированными стеклами. Члены совета ожидали его у входа в синагогу. Достопочтенный раввин оказался небольшим человечком с кожей оливкового цвета и острым взглядом похожих на маслины, близко посаженных глаз. Улыбался, впрочем, он довольно тепло, а рукопожатие, которым Томограф удостоил встречающих, ощущалось откровенным и располагающим.

– Ну, покажите мне ваших чертей, – продолжая улыбаться, предложил Томограф. Можно было подумать, что его пригласили на пуримский спектакль,⁴⁰ а не на борьбу с нечистой силой.

Сумрачно вздыхая, реб Вульф отпер парадную дверь «Ноам алихот». Томограф прошел первым, быстрым шагом обежал зал синагоги, изучающе оглядел потолок и остановился возле «бимы».

– А это что такое? – спросил он, указывая на выщерблину в боковой стенке, из которой торчали исписанные бумажки.

– Записки молящихся, – пояснил реб Зев. – Как в Иерусалимской Стене.

Томограф вопрошающе поднял брови.

– Старая история, – начал реб Вульф. – Во время войны за Независимость арабы обстреливали Реховот из минометов. Покойный раввин нашей синагоги, рав Штарк, молился возле «бимы». Во время «Благодарим» он поклонился, но не так, как сейчас кланяются, чуть сгибая колени, а полным поклоном. В это время возле синагоги разорвалась мина, осколок влетел в окно, просвистел над его головой и попал вот в это самое место.

Реб Вульф протянул руку и осторожно прикоснулся указательным пальцем к выщерблине.

– Поклонись рав Штарк чуть хуже, у нас бы давно был другой раввин.

---

³⁹ Умм Кульсум, настоящее имя – Фатма Ибрахим, (4 мая 1904 – 3 февраля 1975) – египетская певица, одна из наиболее известных исполнителей в арабском мире.

⁴⁰ Пурим – карнавалый праздник, во время которого еще в средние века читались произведения, пародирующие религиозную литературу; во многих общинах существовал обычай назначать «пуримского раввина», который читает «пуримскую Тору» – шуточные переделки священных текстов.

Томограф хмыкнул, то ли выражая восхищение, то ли просто удивляясь, и подошел к печи. Не успел он раскрыть рот, чтобы задать очередной вопрос, как из ее глубины выкатился утробный хохот.

– Ага! – радостно воскликнул Томограф. – Ага!

Он засиял так, словно встретил старого товарища. Видимо, общение с потусторонними силами доставляло ему немалое удовольствие.

Демон, словно издеваясь над гостем, не смолкал несколько минут. Томограф пару раз обошел печь, внимательно разглядывая каждую трещинку на ее поверхности, будто действительно хотел проникнуть взглядом в середину кирпичной кладки, отворил заслонку и посмотрел внутрь, а затем, просунув туда голову, глубоко вдохнул застоявшийся воздух.

– Куда ведут эти провода? – вдруг спросил он Нисима, указывая на кабель, струящийся по стенке синагоги и входящий в бок печи.

– Думали лампочку там сделать, – ответил за него реб Вульф, – да вот, всё руки не доходят.

Переоборудовать печь в мини-кладовку была идея старосты, и провода провели тоже по его настоянию. Но потом что-то не сложилось, а вернее, просто не оказалось нужды в этой лампочке, и провода остались висеть немым свидетельством бессмысленной траты общественных денег.

Смех не смолкал, демоны совершенно откровенно издевались над гостем.

– Пожалуйста, – вдруг попросил он реб Вульфа, – вы не могли бы отключить свет в синагоге? Весь, полностью, а потом, спустя несколько секунд, снова включить.

– Почему нет? – ответил реб Вульф, слегка удивленный необычной просьбой.

– Тогда давайте прямо сейчас и как можно быстрее.

Реб Вульф устремился в малый зал синагоги, открыл железную дверцу, прикрывающую распределительный щит, и повернул рубильник.

Стало тихо. Сквозь приоткрытую дверь доносилось посвистывание ветра в кронах тополей. Приглушенные расстоянием, долетали с рынка истошные вопли торговцев: «Хозяин лавки сошел с ума! Такие помидоры – и за такие копейки: хозяин рехнулся – налетай, пока не передумал!»

– Включите свет! – крикнул Томограф.

Реб Вульф щелкнул рубильником, и через секунду из печи и над «бимой» понесся демонский хохот.

– Выключите!

Хохот исчез.

– Включите!

Хохот появился.

– Первый раз в жизни вижу демонов, который питаются электричеством, – сказал Томограф. – Ну-ка, припомните, кто делал у вас недавно ремонт или чинил что-нибудь.

– Примерно месяц назад, – произнес Нисим, – наши соседи, торговцы с рынка, подарили люстру. И денег на ремонт пожертвовали. На небольшой такой ремонтик. Только и всего.

– Только и всего, – эхом откликнулся Томограф и снова полез в печь. – Только и всего.

Он втиснулся в печь до пояса и несколько минут шуршал в ней, словно огромная мышь.

– Вот он, – раздался наконец замогильный голос, – вот он, ваш демон.

Томограф вылез задом из печи и торжествующе протянул реб Вульфу небольшую коробочку с торчащими проводами.

– Что это? – не веря своим глазам, воскликнул реб Вульф, впрочем, уже начиная понимать, какую злую шутку сыграли с «Ноам алихот» доброхотные дарители.

– Это динамик, – ответил Томограф. – Второй запрятан в «биме». А демон сидит на рынке или где-нибудь неподалеку да похохатывает в микрофон. Только теперь, кроме покупателей, его уже никто не слышит.

Он двинулся к выходу, секретарь устремился за ним. Нисим догнал секретаря и на ходу протянул ему конверт с обусловленной суммой.

Реб Вульф и Акива двинулись вслед за остальными.

– Ничего не понимаю, – лицо реб Вульфа выражало полнейшее недоумение. – Я же после ремонта наводил в печи порядок. Не было в ней никакого динамика!

– Ты просто не заметил, – проскрипел Акива. – Томограф тоже не сразу нашел.

– Что значит «не заметил»? Я там полдня возился, своими руками разгребал мусор двадцатилетней давности.

– Ну, про динамик ты не скажешь, что это суеверие чистой воды.

– Не скажу, – согласился реб Вульф и тяжело вздохнул.

Томограф быстро попрощался с членами совета и скрылся за тонированными стеклами «Мазды». Секретарь резко взял с места, машина взревела, скрипнула крышкой и скрылась за поворотом.

Члены совета изумленно переглянулись: в шуме отъезжающего автомобиля им явственно послышался бесовский хохот. Не говоря ни слова, они повернулись и пошли каждый в сторону своего дома, постепенно растворяясь в лиловом воздухе реховотских сумерек.

Вот, собственно, и вся история. Происшедшие события описаны в ней так, как они стали известны в Реховоте. Часть из них удостоилась публикаций в газетах, часть распространилась из уст в уста. Возможно, кому-то они покажутся скучными и малозначительными, ведь в большом мире ежедневно приключается множество поражающих воображение происшествий. Возня вокруг мелких бесов в крошечной синагоге маленького городка незаметной на карте страны – достойна ли она столь пространныго повествования?

Но, может статья, Г-сподь Вседержитель для того и уберег наших предков от псов-крестоносцев, испанских инквизиторов, немецких вырожденков и русских погромщиков, чтобы поселить нас возле теплого моря, под синим небом и дать возможность думать, говорить и писать о себе и только о себе: о наших маленьких проблемах, наших неудачах и удачах, то есть о том, что на всех языках мира зовется обыкновенным человеческим счастьем.

НА ПЕРЕМЕНЕ

– Кто мне скажет, что такое реальность? – воскликнул реб Вульф, хлопая рукой по столу. – Вот этот стол, – он еще раз стукнул по лакированной коричневой столешнице, словно отбрасывая возможность разночтения. – Он действительно квадратный, на четырех ногах или таким представляется? А может, на самом деле он круглый, зеленый и железный?

– И вообще не стол, а пень, – заметил Нисим. – А ты не реб Вульф, а просто Вульф, волк из леса. И мы не молиться тут собрались, а выть на луну.

– Не нужно утрировать, – поморщился реб Вульф. – У Рамбама⁴¹ написано: во всем держаться середины. А тебя, Нисим, вечно бросает с одной обочины на другую.

Уже темнело за окнами, отходил еще один, шумный, пронизанный беспощадным средиземноморским зноем день. Верхушки старых тополей во дворе синагоги «Ноам алихот» багровели в лучах заходящего солнца, но в самой синагоге царили бархатные сумерки. Только что закончилась дневная молитва – «Минха», и до начала вечерней «Маарив» оставалось каких-нибудь полчаса. Уходить не имело смысла, прихожане разбрелись по большому залу, разбившись на привычные группы, и вполголоса, словно боясь неосторожным возгласом нарушить очарование подступающей темноты, толковали о делах уходящего дня.

Правление синагоги, как обычно, перебралось в малый зал. В нем холодно мерцал белый свет неоновых ламп, и можно было разговаривать в полный голос. На большой перемене между «Минхой» и «Мааривом» всегда тянуло на рассказы об удивительных событиях и странных, будоражащих воображения происшествиях.

– Действительность напоминает мне шуршание сахарного тростника, – неспешно произнес третий член совета Акива, экзотический еврей с острова Свободы. – Его режут, а он только шуршит. Кричать надо, а он шуршит. Даже в последнюю секунду боится показаться вульгарным.

– Это он о ком? – спросил вполголоса слегка ошалевший от такого поворота молодой прихожанин. Группка молодежи, окружив стол, внимательно прислушивалась к разговору членов совета.

– Это он о Вульфе, – ответил развеселившийся Нисим, указывая подбородком в сторону председателя.

– Что есть молитва, если не крик о помощи? – возразил реб Вульф. – А для крика не обязательно широко раскрывать рот. Безмолвный плач может изменить реальность быстрее, чем рычание. Там, – он оторвал от стола тяжелую ладонь и многозначительно поднял вверх указательный палец, – всегда распахнуты ворота для слез, но не для скандалов.

– Я расскажу вам историю, – продолжил он после короткой паузы, – которая не уходит из моей головы. Собственно, из-за нее я и задал свой первый вопрос.

Несколько лет назад я оказался на Цфатском кладбище каббалистов. Но молиться в тот раз мне хотелось на могиле Йосефа Каро,⁴² составителя главного свода наших законов. Я, видите ли, – тут реб Вульф скромно потупился, – много лет вместе с покойным равом Штарком изучал «Шулхан Арух».⁴³ Пока рав сидел рядом, все было понятно, но когда после его смерти я попробовал сам разбираться в тонкостях закона, то дело пошло куда хуже. Скажем прямо:

---

⁴¹ Рамбам – Маймонид (Моше бен Маймон, известен в еврейских источниках как Рамбам – акроним от раббену Моше бен Маймон; 1135 (по собственному свидетельству в конце комментариев к Мишне – 1138), Кордова, – 1204, Фостат /Старый Каир/), крупнейший раввинистический авторитет и кодификатор закона, философ, ученый и врач.

⁴² Йосеф Каро – Йосеф бен Эфраим (1488, Толедо или Самора, – 1575, Цфат), автор основополагающего кодекса галахических предписаний.

⁴³ Шулхан Арух – буквально «накрытый стол», кодекс основных положений Устного Закона, созданный Йосефом бен Эфраимом Каро, который подвел итог кодификативной деятельности галахических авторитетов многих поколений.

не пошло вовсе. И вот я решил помолиться на могиле у автора «Шулхан Аруха» и попросить Небеса о помощи.

Нисим и Акива переглянулись. Так вот почему реб Вульф столь упорно отказывается искать преемника покойному раввину! Мы-то думали, будто в нем еще не утихла привязанность любви, а оказывается, он попросту готовит место для себя самого!

– Забегая вперед, замечу, что помощь я не полу– чил, – произнес председатель, словно отвечая на немой вопрос. – Видимо, есть такие области, где, помимо небесной поддержки, надо еще иметь голову на плечах.

Реб Вульф сокрушенно покачал тем, что, по его мнению, якобы отсутствовало.

– Могила Йосефа Каро расположена почти у подножия горы, а выход с кладбища – у самой вершины. Закончив молиться, я двинулся к выходу и, проходя возле могилы Ари Заль,⁴⁴ заметил стоявшую отдельно от других женщин немолодую девушку. Стиль ее одежды свидетельствовал о глубокой религиозности, а непокрытая голова – о застарелом девичестве.⁴⁵ Была она некрасива: не уродлива, а просто некрасива – какая-то нескладная фигура бочонком, короткие руки, красноватое лицо. Молилась она самозабвенно, и не составляло никакого труда догадаться, о чем были ее просьбы. Я прошел мимо и вдруг пожалел ее, бедняжку, за что-то обреченную на слёзы, угасание надежд, холодную, одинокую старость. Вряд ли она сама виновата, видимо, тут наложились грехи предков, прошлые жизни, а впрочем, возможно, и ее собственные прегрешения. Кто знает, кто может оценить?!

Я пожалел ее, непонятно почему, пожалел внезапно и остро – да так, словно ее боль и горечь стали на несколько секунд моими собственными. Не останавливаясь, я прошептал несколько слов, короткую молитву, просьбу к Вершителю судеб и Владыке предназначений.

«Властелин мира, – прошептал я, – если есть у меня хоть какая-то заслуга молитвы на святом месте упокоения праведника, пусть она поможет этой девушке найти суженого».⁴⁶

На Цфатском кладбище каббалистов подъем, как вы знаете, довольно крутой, к тому же на моем правом ботинке развязался шнурок, и я остановился привести его в порядок и попутно перевести дух. Девушка закончила молиться и обогнала меня. Поднималась она быстро, нерастраченная энергия легко вела ее казавшееся неуклюжим тело. Я привел в порядок шнурок и тихонько тащился вслед, опасаясь поскользнуться на гладких камнях, отполированных тысячами подошв. Рассматривать поднимающуюся перед вами женщину неприлично, поэтому всё моё внимание сосредоточилось на том, куда поставить ногу.

Вдруг где-то наверху послышались возбужденные голоса. Я поднял голову. Девушка, сияя, обменивалась поцелуями с несколькими женщинами. Их возбужденные голоса отчетливо разносились над охряной сухостью старых могил. Первые же долетевшие слова заставили меня насторожиться. Болтливость наших женщин не нуждается в дополнительном описании, и пока я поднимался, проходил мимо и неспешно отдалялся от девушки, непринужденно болтавшей со знакомыми, успел разузнать о ее жизни даже больше, чем хотел бы. Впрочем, среди чепухи и конфетной пыли я разобрал главное – то, ради чего она пришла сегодня на кладбище.

---

⁴⁴ Ари Заль – аббревиатура. Ари – адонейну рабейну Ицхак Заль – благословенна память его. Так называют Ицхака Лурия (1534–1572) – великого мистика, основателя новой школы Каббалы. Приверженцы почитали Лурию как предвестника Мессии и приписывали ему сверхъестественное могущество.

⁴⁵ Согласно еврейским законам, женщина должна одеваться предельно скромно: длина ее платья должна быть не выше щиколоток, длина рукавов – как минимум до локтей; само собой, ее грудь, плечи и другие части тела должны быть также закрыты одеждой. Замужние религиозные еврейки обязаны покрывать голову платком, или другим головным убором, или надевать парик. До замужества девушка может ходить с непокрытой головой.

⁴⁶ Согласно еврейской традиции, молитва и добрые дела являются заслугами человека перед Богом, своеобразными «очками», которые он набирает, или, точнее, его духовным капиталом. Этот «духовный капитал» человек может потратить на самого себя в нашем мире или на Небесном суде, может как бы «положить в банк» и передать его своим потомкам, и тогда заслуги их предка будут засчитаны в их пользу, а может, как это дважды описывается в этом рассказе, и подарить другому человеку.

Оказывается, этим вечером должна состояться ее «эрусин», долгожданная помолвка, и она пришла поблагодарить Всевышнего за то, что Он услышал ее просьбы и послал ей суженого – самого умного, самого доброго, самого благочестивого человека на свете.

Реб Вульф обвел глазами притихших собеседников.

– И я не могу понять, что же случилось в те минуты на древнем кладбище? Я ошибся, самонадеянно придумав незнакомому человеку несуществующую судьбу, или, – реб Вульф на секунду остановился, – или моя молитва была услышана, и Всевышний в мгновение ока изменил реальность, переделав задним числом судьбы многих людей!

– Теперь понятно, почему ты не преуспел в «Шулхан Арухе»! – воскликнул Нисим. – Помощь выделили тебе, а ты подарил ее девушке! Поступок, конечно, благородный, так себя вели галантные кавалеры времен Ренессанса, но что отдал, то отдал.

– Охо-хо, – вздохнул реб Вульф. – Я после того случая не раз и не два к рабби Йосефу возвращался. А толку никакого.

– Ничего себе никакого! – удивился Нисим. – Девушку замуж выдал – и мало! Может, это самый лучший поступок за всю твою жизнь.

– Надеюсь, – тихонько проговорил реб Вульф, – очень надеюсь, что не самый.

– А реальность изменять, – продолжал Нисим, – дело самое обыкновенное. Каждый мой шаг меняет реальность. Вот возьму сейчас и поломаю этот стол, и тут же наступит иная действительность.

– Поломаешь – будешь чинить, – произнес реб Вульф. – А речь идет не об изменении материальной структуры мира – тут мы все большие мастаки ломать и портить, а о куда более тонких трансформациях. Ретроактивное вмешательство в причинно-следственный механизм – не простая штука.

– Простая не простая, а вот какая история со мной произошла, – Нисим, явно подражая реб Вульфу, несколько раз шлепнул ладонями по столешнице.

– Дружок есть у меня – Ури. Мы с ним на Суэцком канале, в Войну Судного дня, у «Китайской фермы»⁴⁷ оборону держали. Там, под огнем египетским, казалось, будто лучше друга нет и не будет, а как война кончилась – разбежались. Разные люди, разные жизни.

Н-да... И понесла его нелегкая в Майами – красивого хлеба искать. А жизнь во Флориде действительно распрекрасная. Богатая, сытая жизнь, – и приятель свой кусочек от нее урвал, хоть и работал всего лишь диспетчером в супере, заказы между поставщиками распределял. Но работал, как видно, честно, а честность в наше время товар редкий и оплачивается хорошо.

А с год назад встречаю нашего командира взвода.

– Помнишь Ури? – спрашивает.

– Как не помнить, – говорю, – друзья ж все-таки.

– Поймал, – говорит, – ту самую болезнь, не про нас будет сказано. Облучают на всю катушку. Борода уже выпала.

Н-да... Бороду Ури носил роскошную: рыжую и закрученную колечками – тугими, будто из проволоки, и блестящими, точно надраенная медь. На «Китайской ферме» сразу заставили ее сбрить – сказали, внимание снайперов привлекает. Ну да ничего, потом снова отросла.

– Так вот, – говорит командир, – ни волоска не осталось. И сколько ему вообще осталось, никто не знает. А может, и не осталось уже.

---

⁴⁷ «Китайской фермой» называлась сельскохозяйственная исследовательская станция, созданная японцами в районе Суэцкого канала. Так как ни арабы, ни евреи не в состоянии отличить японцев от китайцев, то ферме и было дано ошибочное название. Осенью 1973 года, в дни Войны Судного дня, израильтяне навязали египтянам бой у этой фермы, чтобы отвлечь их внимание от начавшейся переправы израильтян через Суэцкий канал. Бой был необычайно кровопролитный, и обе стороны понесли в нем немалые потери.

– Вот что, – говорю, – пошли, лечить Ури будем. Есть средство древнее, дедами завещанное. «Лехаим»⁴⁸ надо сделать за больного товарища. Не напиться бездумно, а поработать, словно священник у жертвенника. Со смыслом и значением.

– Я ж не пью, – стал командир отнекиваться. – Ты ведь знаешь, пиво еще туда-сюда, а больше ничего.

– Отставить пиво, – приказываю. – Только арак.⁴⁹ Представь, что жизнь товарища в твоей руке. И ты этой самой рукой не поднимешь рюмку?

Н-да... Поднял, и еще как поднял. Арак нужно пить из морозильника, холод превращает его в тягучий, искрящийся кристалликами бальзам. И употребили мы за скорейшее выздоровление Ури литровую бутылку этого бальзама. Командир держался молодцом. Только под конец бутылки пил уже не за Ури, а за его бороду. Чтоб увидеть ее в былом великолепии и блеске.

Когда он рухнул на диван и отключился, я позвонил его жене. Объяснил: мол, неожиданная встреча боевых друзей, так что ночевать ее муж останется у меня.

Н-да... А через пару дней встречаю другого дружка из взвода.

– Слышал про Ури? – спрашиваю.

– Слышал, – говорит. – Рак у него был, облучали бедолагу. Но, слава Всевышнему, – выкарабкался. И борода отросла. Такая же, колечками.

Нисим победоносно посмотрел на реб Вульфа.

– Если это не ретроактивное вмешательство в причинно-следственный механизм, то что, что это тогда?

– Почему ты всегда ищешь объяснений? – вдруг спросил Акива, до сих пор не вымолвивший ни единого слова. – Что за неумная страсть к препарированию? Весь мир должен быть разрезан, взвешен, обмерен и растолкован. Причем немедленно, в рамках одной беседы. Так не бывает, реальность сложнее нашего представления о ней.

– А как иначе? – недоумевающе спросил Нисим. – Зачем тогда все истории? Приводим примеры, чтоб через них понять правило.

– Я не об этом, – поморщился Акива. – Понимать тоже можно по-разному. Ты пытаешься из любой капли вытянуть всемирный закон. Я же предпочитаю разложить примеры на столе, словно детский паззл, и пристально рассматривать их. Не спеша, не торопясь с объяснениями. И тогда вдруг картинка сама собой сложится в мозгу. Но ярче и красочней, чем поспешная зарисовка.

– Есть и такой способ, – согласился Нисим. – Но иногда он ни к чему. Смотри, сейчас я расскажу историю, которая не требует долгого разглядывания. Закон сам выпрыгивает из нее, как Ренессанс из средневековья.

Н-да... Это произошло на ашдодском пляже, отдельном пляже для мужчин, во время каникул в ешивах. Два авреха из Бней-Брака решили немного развеяться, отдохнуть от непрерывного учения. Погрелись на песочке, зашли в воду. А разговор ведут всё о том же – обсуждают незаконченную тему из Талмуда. Проходил мимо третий аврех, прислушался к разговору.

– Во, – говорит, – неплохо устроились! Вы бы еще стендер⁵⁰ сюда притащили. Плавать надо, двигаться. На то он и отпуск, чтобы тело напрячь, а голову отпустить.

Ну, пустились они плавать. Как уж там вышло, не знаю, но один из аврехим начал тонуть. Друг его за волосы тянет, не дает на дно уйти, а сам на помощь зовет. Подоспели спасатели, вытащили, давай откачивать. И хоть бедняга под водой пробыл всего ничего, а захлебнуться успел.

---

⁴⁸ Лехаим – на иврите – за жизнь. Застольная здравица.

⁴⁹ Анисовая водка; в Израиле традиционно считается любимым напитком евреев-выходцев с Востока.

⁵⁰ Стендер – специальная подставка наподобие пюпитра, на которой в ешивах держат том Талмуда.

Примчалась «скорая», тело к аппарату подключили, начали работать. Врач хлопчет, хлопчет, а санитар, тоже с кипой на голове, подходит ко второму авреху и советует тихонечко:

– Вы свидетельство о смерти сразу потребуйте, на месте. Меньше волокиты, и на вскрытие не повезут.

– Какое вскрытие? – бледнеет друг, – какое свидетельство, он же и утонуть толком не успел!

– Успел, не успел, – говорит санитар, – а сердце остановилось.

Тут и врач подходит с сокрушенным и беспомощным видом.

– Всё, – говорит, – в Его руках. А что в моих, я уже перепробовал. Не помогает. Сообщите семье.

Отвернулся аврех и как был в плавках и без шляпы, обратился к Всевышнему.

– Год своей учебы отдаю, – просит, – заслугу целого года учения, только оживи друга.

Проходит несколько секунд, и вдруг – о чудо – утопленник начинает кашлять.

Врач с изменившимся лицом бежит к телу. Санитар – вдогонку. Всю аппаратуру прицепляют заново, и через десять минут «покойник» открывает глаза.

Н-да... И это не рассказы, не сказки досужие – это я сам, сам видел. Была тебе одна объективная действительность, как вдруг – р-раз – и совсем другая. И объективная, заметь, ничуть не меньше предыдущей.

– Так-то вот оно так, – торжествующе заключил Нисим. – А паззлы... Паззлы пусть дети собирают.

Реб Вульф взглянул на часы.

– До вечерней молитвы осталось пятнадцать минут. Одну историю еще рассказать можно.

– Пожалуй, – не спеша, произнес Акива, – я попробую это сделать. Попробую разложить перед вами паззл. – Он иронично посмотрел на Нисима. – А вы уж собирайте, как сумеете.

В стародавние времена жил на Кубе знаменитый раввин. В его роду причудливым образом переплелись мудрецы и книгочеи с удачливыми купцами и любителями дальних странствий. Глава рода за несколько лет до изгнания сумел покинуть Испанию – и не просто покинуть, но и вывезти из нее всё богатство. Его потомки, осевшие в Брабанте, вовремя поддержали Вильгельма Оранского, а спустя полвека, получив особые льготы, перебрались на Кубу. Формально раввин считался главой торгового дома этой огромной, богатой и удачливой семьи, но на самом деле предпочитал ни во что не вмешиваться, а провести отведенные ему годы в бейт-мидраше⁵¹ над книгами.

Именно годы, – повторил Акива, – я не оговорился. Старшие дети в семье, наследники рода, умирали очень рано, самому везучему удалось перевалить за тридцать два года. Раввина, о котором я веду рассказ, звали Овадия, он женился, по обычаю своего рода, очень рано и к тридцати годам уже готовил к замужеству старшую дочь. Дальнейшее, – тут Акива остановился и достал из сумочки небольшую тетрадь в толстом переплете из потрескавшейся коричневой кожи, – пусть расскажет сам раввин. В молодые годы мне довелось работать в Гаванском архиве и, перебирая бесконечные папки с документами, я наткнулся на подшивку «еврейских древностей». Так было написано на коробке, в которой хранились всякого рода бумаги, относящиеся к еврейскому населению Кубы. Среди них я обнаружил письмо раввина Овадии. Я переписал его и снабдил объяснениями. Тогда мне казалось очень важным опубликовать этот документ, но в те времена такой шаг был довольно опасным, а когда времена изменились, мой интерес угас – и письмо так и осталось в старой записной книжке. Вы, – Акива обвел глазами столпившихся вокруг стола прихожан, – его первые слушатели.

Он сосредоточенно полистал тетрадь, разыскивая нужную страницу, поправил очки и принялся читать негромким, чуть скрипучим голосом:

---

⁵¹ Бейт-мидраш – на иврите – дом учения.

«Слуге Всевышнего, другу моей души, наставнику и гаону рабби Шабтаю ибн-Атару, раввину Галапагосских островов.

Прежде всего, я хотел бы узнать о здоровье достопочтимого раввина, и лишь после этого просить разрешения вручить ему вселяющий трепет рассказ, о котором я прошу не сообщать никому на свете. Спрячьте это письмо подальше от людских глаз, но лучше всего, закончив, искромсайте его так, чтобы ни одна человеческая душа не смогла его увидеть.

Волосы мои побелели, лицо обращено к востоку,⁵² а душу наполняет южный ветер.⁵³ Коридор подходит к концу, уже видна гостеприимно распахнутая дверь во дворец.⁵⁴ Смерть появилась в моем окне, и пришло время поведать об истории, случившейся в те далекие дни, когда жизнь, казалось, была завершена.

Все мои предки на протяжении нескольких столетий умирали, едва достигнув порога тридцатилетия. Откуда пришло к нам это проклятие сынов Эли,⁵⁵ никто не знает. Я родился в первый день месяца нисан, когда луна в полном ущербе, и, видимо, поэтому постоянно ощущал смутное томление, неутоленную жажду. Именно эта жажда заставила просидеть, не разгибаясь, над книгами более двадцати лет и сделала меня тем, кем сделала.

Ко дню своего тридцатилетия я прибыл, словно Машиах, на белом осле,⁵⁶ завершив, насколько это возможно, все свои земные дела. Осталось лишь одно: выбрать из двух кандидатов наиболее достойного жениха для моей старшей дочери. Ей исполнилось пятнадцать, и спустя год она должна была стоять под хупой.⁵⁷ Помолвку я хотел сделать лично, успев до того срока, когда угомонится звук мельницы.⁵⁸

Оба жениха учились у меня в ешиве, оба были достойными молодыми людьми, выделяясь из всех прочих утонченностью души и способностями к постижению Закона. Первый принадлежал к известной на Кубе семье земельных арендаторов, второй, превосходивший его памятью и способностью к быстрому схватыванию материала, происходил из португальских прозелитов, бежавших на Кубу, чтобы принять на себя ярмо⁵⁹ заповедей.

Впрочем, про обоих я мог засвидетельствовать, что они подобны выбеленной известью яме:⁶⁰ каждый мог составить счастье моей дочери, и оба одинаково были близки ее сердцу.

Однако мое предпочтение склонялось к первому из кандидатов. Не потому, что во мне существует предубеждение против собирателей колосков,⁶¹ хотя в нашей семье очень тща-

---

⁵² Слово «кедем» на иврите – восток, означает также «начало» и намекает то, что Овадия приготовился к встрече с мировым Началом, то есть со Всевышним.

⁵³ Парафраз двух известных изречений: «Б-г приходит с юга» (книга пророка Хаввакука) и «Ветер (дух) Б-га витал над поверхностью вод» (Пятикнижие). Многие комментаторы считают, что в движении воздуха осязаемым образом выражается воля Всевышнего.

⁵⁴ Овадия повторяет известное изречение: «Этот мир похож на коридор, а будущий мир – на дворец. Приготовь себя в коридоре, чтобы войти во дворец».

⁵⁵ Дети пророка Эли, служившего во временном Храме в Шило, вели себя недостойным образом, и поэтому их потомки на протяжении многих поколений умирали в раннем возрасте.

⁵⁶ Осел – *хамор*, созвучен со словом *хамер*, материя. Обычно под этим подразумевается материальная основа человека, его тело. Восседание на осле означает властвование над страстями, а масть осла, напоминающая выбеленную временем ткань, означает, что Овадии удалось не только подчинить их своей воле, но лишиться силы, подобно тому, как лишаются яркости выгоревшие под солнцем краски.

⁵⁷ Хупа – особый балдахин, под который производится обряд бракосочетания. Он символизирует дом, в который муж вводит свою жену.

⁵⁸ Намек на фразу из книги царя Соломона «Коэлет»: «И закроются ворота на рынке, когда угомонится звук мельницы, и пробудится от щелбета птиц, и станут презренны все поющие».

⁵⁹ Отсылка к изречению из трактата «Кегилот Яаков»: «Человек должен выдерживать течение жизни подобно волу, удерживающему ярмо, а не думать, будто вся она находится в его власти».

⁶⁰ Намек на фразу из трактата «Наставления отцов». «Подобно тому, как яма, выбеленная известью, не теряет ни капли вина или воды, хранящейся в ней, так рабби Элиэзер, сын Гуркана, не забывает ничего из выученного».

⁶¹ Имеется в виду Рут-моавитянка, перешедшая в иудаизм дочь царя Моава. В книге «Рут» рассказывается о том, как она собирала колоски на поле, принадлежавшем Судье того времени Боазу, ставшему ее мужем.

тельно относились к чистоте родословной, а потому лишь, что потомок португальцев казался мне чуть грубее.

Размышляя об этом, я отправился спать в ночь моего тридцатилетия и вдруг провалился в необычайно глубокий сон. Во сне ко мне явился величественный человек с утонченными чертами лица и длинной бородой.

– Что с тобой будет, Овадия? – вопрошал он, укоризненно покачивая головой. – Чем все это кончится...

Я проснулся, обеспокоенный, но, полежав немного, снова заснул. И вновь передо мной явился незнакомец. На сей раз он действовал более решительно. Схватив меня за руку, он почти кричал:

– Почему ты спишь? Почему не взываешь к помощи Небес?

Я вскочил с постели весь в поту и долго не мог успокоиться. Только через час, разобрав страницу Талмуда и отвлекшись от сновидения, мне удалось прийти в себя. Осторожно улегшись в постель, я прикрыл глаза.

Незнакомец возник сразу после того, как опустились веки. Рядом с ним стояли два спутника, и хоть выглядели они весьма сурово, но говорили спокойно и вразумительно.

– Это не сон, – сказал один из них. – Это истинное видение.

– Ты не должен бояться, – добавил второй. – Мы не причиним тебе зла. Наоборот, мы хотим тебе помочь.

– Посмотри на меня, Овадия, – произнес незнакомец. – Посмотри внимательно.

Я посмотрел и вдруг понял, что передо мной основатель нашего рода. Как и откуда пришло ко мне это понимание – не знаю, ведь его портрет не сохранился. Видимо, когда человек падает в яму,⁶² с Небес протягивают ему помощь, открывая закрытое.

– Ты пришел, чтобы возвестить о моей смерти? – спросил я, содрогаясь от ужаса.

– Нет, – покачал головой предок, – хоть она и близка. Но ты можешь ее избежать.

– Как, скажи, как!

– Я не могу открыть тебе всего. Будущий мир и ваш разделены преградой, и не в моих силах разрушить стену. Я могу только намекнуть – «Баба Кама».⁶³

– «Баба Кама»?

– Да, «Баба Кама». Постарайся понять, о чем идет речь. Уже много лет я прихожу во сне к моим потомкам, но ни один из них не смог догадаться. В этом истинная причина их ранней смерти. Подумай, подумай хорошенько!

Тут я набрался смелости и попросил его, чтобы он мне всё разъяснил. По-видимому, я сказал это громче, чем собирался, и внезапно проснувшись, обнаружил, что и эта встреча происходила во сне.

Спать я уже не мог. Всю следующую неделю я провел, словно в Судный день,⁶⁴ не выходя из синагоги. Мне уже не раз приходилось учить «Баба Кама», но тут я окунулся в трактат до верхушек волос. Рамбам, Рашбам, рабейну Там, Риф, Рош, Райвед⁶⁵ крутились перед моими глазами даже в коротких промежутках сна. К следующей субботе я выучил трактат почти наизусть, но ни на йоту не продвинулся в понимании того, о чем намекал мой предок.

Субботнюю молитву я проплакал, накрывшись с головой таллитом, так, чтобы окружающие не видели моих слез. Когда все разошлись по домам на кидуш, я снова открыл «Баба Кама», но через несколько минут заснул, сморенный недельным постом и бессонницей.

---

⁶² Намек на Йосефа, видевшего пророческие сны и брошенного братьями в яму.

⁶³ Трактат Вавилонского Талмуда, разбирающий имущественные отношения между частными лицами.

⁶⁴ По обычаю некоторых общин Йом-Кипур проводят в синагоге, спят на лавках и, уподобившись ангелам, не едят, не пьют, а только возносят славу Всевышнему.

⁶⁵ Знаменитые комментаторы Талмуда и законоучители.

И тут мне снова открылся мой предок, на этот раз облаченный в белые одеяния. Я был очень взволнован и пристально вглядывался в его величественное и суровое лицо. Он приблизился и сказал, что слезы, столь щедро пролитые мной во время молитвы, смягчили Высшее Милосердие и он послан, чтобы объяснить мне, как можно отменить вынесенный приговор.

– Ищи в старых книгах, – сказал он, пристально глядя на меня. – Ищи в старых книгах.

Открыв глаза, я долго размышлял, о каких старых книгах могла идти речь. У нас в семье сохранились манускрипты, вывезенные из Испании, но я еще в детстве прочитал их по несколько раз. Трактата «Баба Кама» среди них не было.

После окончания субботы я тщательно перебрал всю библиотеку, но, кроме уже знакомых мне книг, ничего не обнаружил. О чем же хотел сказать мой предок, какую загадку мне предстоит разрешить?

Я не мог ни есть, ни спать, ни заниматься учебой. «Старые книги, старые книги», – вертелось в моей голове. Пятикнижие, Талмуд, раввинские респонсы вполне соответствовали этому определению. Сбитый с толку и раздосадованный, я отправился спать.

Предок подждал меня сразу за порогом сна. Его лицо излучало свет, и он снова был одет во всё белое.

– Сколько времени ты будешь обременять меня своей судьбой?! – сердито спросил он.

Я хотел объяснить ему, что не представляю, в чем дело, но не смог, а заплакал. Слезы текли из моих глаз обильно и долго, и все это время предок молчал, сурово глядя на меня. Наконец мне удалось выдать несколько жалких слов объяснения, и от них я зарыдал так сильно, что проснулся.

Не знаю, почему, но мне показалось, будто решение загадки совсем близко. Я вскочил с постели, вымыл руки⁶⁶ и поспешил в библиотеку. Подойдя к громадному книжному шкафу, я остановился, словно Моше перед кустом.⁶⁷ Догадка осенила меня внезапно, точно вложенная кем-то извне.

Дела нашего торгового дома велись очень тщательно. Это была традиция, подкреплённая Законом. Все доходы и расходы скрупулезно вносились в гроссбухи, в конце каждой страницы вписывался отчет, а сами страницы были пронумерованы и сшиты так, чтобы нельзя было ни вытащить, ни переменить. Иногда я перелистывал эти гроссбухи, дивясь на разные почерки разных людей, ведших записи на протяжении многих десятков лет. В мои обязанности главы торгового дома входила тщательная еженедельная инспекция этих записей, но я полностью полагался на управляющего и переложил на него и эту заботу.

Стоя перед шкафом, я вдруг сообразил, что гроссбухи тоже называются книгами и имеют непосредственное отношение к «Баба Кама». Едва дождавшись утра, я поспешил в контору. Управляющий был весьма удивлен моим ранним приходом. Еще больше удивила его просьба показать гроссбухи.

Распахнув двери старинного шкафа, в котором хранились отчеты за многие десятилетия, я дрожащими руками вытащил самую первую книгу. Начинаясь она еще в Испании, и каждую страницу завершала подпись основателя нашего рода. Как видно, предыдущие книги он не смог или не сумел вывезти.

Я уселся за стол, раскрыл гроссбук и принялся за изучение, исследуя каждую запись с таким тщанием, словно передо мной лежал «Хошен Мишпат».⁶⁸ Страницы были мелко испещрены записями о разного рода финансовых операциях. Разобраться, кто, кому, сколько и на каких условиях продал, купил или ссудил, было невозможно, я совершенно не представлял,

---

⁶⁶ Закон запрещает прикасаться к чему бы то ни было до омовения рук после сна.

⁶⁷ Несгорающий куст терновника, из которого Всевышний разговаривал с Моше.

⁶⁸ Один из разделов кодекса законов «Шулхан Арух», разбирающий имущественные отношения.

о каких товарах и сделках идет речь. Но меня это не смущало, где-то в глубине души царила абсолютная уверенность, что я сразу узнаю искомое.

Спустя полчаса я обнаружил отметку о ссуде, полученной моим предком от португальского богача. В отличие от всех других записей, сумма была обведена красными чернилами. Я принялся перелистывать книгу, но нигде не обнаружил ничего похожего. Красные чернила больше не появлялись. Следовательно, подумал я, они должны что-то означать.

«В каком случае, – продолжал я размышлять, – выделяют запись о ссуде? Только в одном – если ее забыли или не смогли вернуть».

Обнаружить это было легче легкого. Я пролистал все грессбухи на пятьдесят лет вперед и нигде не обнаружил записи о возврате долга португальцу. Значит, мы остались должны. Но сколько сегодня придется заплатить мне, прямому наследнику должника, если удастся отыскать потомков богача?

Перечитав условия, я ужаснулся. За минувшие столетия сравнительно небольшая сумма превратилась в целое состояние. Ее возврат не разорит наш торговый дом, но сильно пошатнет его устойчивость. Да и кому возвращать, где отыскать наследников португальского богача? Сколько лет прошло, сколько войн пронеслось над Португалией!

Эти мысли не оставляли меня до вечера. Укладываясь в постель, я точно знал, что предок уже поджидает меня за смутной границей сна. И не ошибся! Вид его был суров: брови насулены, кожа над переносицей собралась в морщины.

– И ты еще медлишь? – вскричал он, завидев меня. – Ты раздумываешь? Немедленно просыпайся и рассылай посланцев во все концы Португалии!

– Может быть, – робко попросил я, – стоит подождать до рассвета. Нехорошо будить людей в столь неурочное время.

– Корабль на Лиссабон отплывет из Гаваны в шесть часов утра. Следующий придет только через месяц. И, кроме того, – он слегка смягчил голос и посмотрел на меня с нескрываемой гордостью, – ты должен был умереть этой ночью. Твоя пронизательность отсрочила приговор: тебе подарили полгода. Если долг не будет возвращен, приговор вступит в силу, и всё пойдет по заведенному кругу. Другой мой потомок, способный разгадать тайну, родится только через тридцать шесть лет.

Так я и поступил. Все дела, в том числе и свадьбу дочери, я отложил до завершения вопроса. Спустя три месяца посланцы вернулись. Трое – с пустыми руками, двое – с обрывками сведений, а один – с радостной вестью: потомки давно разорившихся португальских богачей двадцать лет назад переселились на Кубу.

Дальнейшие поиски не составили трудов, и, к своему величайшему изумлению, я узнал, что один из женихов моей дочери – сын португальских прозелитов – и есть тот, кому необходимо вручить долг.

В первый же день после свадьбы я отвел зятя в свой кабинет и без лишних слов вручил ему сумму, в точности соответствующую величине долга. Молодой муж, удивленный и обрадованный столь щедрым приданым, не знал, как благодарить, а я помалкивал, не желая до поры до времени придавать гласности эту удивительную историю.

Предка своего я больше не видел, очевидно, мои действия оказались правильными, и порукой тому тот преклонный возраст, до которого я дожил благодаря помощи Всевышнего.

Воздух Кубы напоен суевериями, возможно, виной тому сама почва, пропитанная тысячелетним идолопоклонством туземных племен. Даже в еврейской среде постоянно крутятся нелепые рассказы о духах, нечистой силе, бесах, демонах и прочей ерунде. Поэтому я так и не решился обнаружить событие, о котором рассказываю вам, спустя столько лет.

Жернова моей мельницы затихают, Всевышний благословил меня, словно Авраама,⁶⁹ отца нашего, доброй старостью, и близок день, когда я предстану перед Судом праведным. Будущее меня страшит, беспрестанные сомнения терзают мою душу: был ли я достаточно усерден в изучении Закона и выполнении заповедей? Прошу вас, молитесь о моей доле в будущем мире, потому что Б-г благосклонен к вашим молитвам.

Ваш друг, преданный вам душой и сердцем, в слезах пишущий эти строки».

Акива захлопнул тетрадь. Несколько секунд в комнате висело молчание, затем реб Вульф прокашлялся и негромко объявил:

– Чувство реальности подсказывает мне, что наступило время молитвы.

Все шумно поднялись, затопали и столпились у дверей, учтиво пропуская друг друга.

В главном зале уже включили верхний свет. Огромная люстра сверкала и переливалась тысячами острых, перламутровых лучиков. И так хорошо, так радостно было открывать книгу, привычно отыскивая нужную страницу, громко отвечать «Омейн», низко кланяться, ощущая всем телом свое живое, крепкое присутствие на благословенной и доброй земле, что молитву того вечера тотчас подхватили ангелы и немедленно вплели в сияющую корону Всевышнего.

---

⁶⁹ Намек на фразу из Пятикнижия: «И скончался Авраам, умерев в доброй старости, – мудрец, удовлетворенный жизнью».

РОШ РИМОН⁷⁰

– Подведем итоги, – реб Вульф, захлопнул книгу и посмотрел на собеседников. По традиции, заведенной еще покойным раввином, заседания совета синагоги всегда заканчивались изучением нескольких абзацев Талмуда.

– Соединять, соединять надо, – говаривал покойный раввин. Он имел в виду святое и будничное. Но раввин умер, и теперь реб Вульфу, бессменному старосте совета, приходилось, помимо финансовых отчетов, квитанций и прочей деловой канцелярии, готовить к заседанию еще и страницу Талмуда. Совсем непростой и весьма трудоемкий процесс.

За окном качался февральский дождь, ночь наступила рано, словно подгоняемая порывами холодного ветра. Членам совета не хотелось выходить из нагретого зала заседаний и, удерживая выворачиваемые ветром зонтики, пробираться домой через бурные потоки. Сливная канализация Реховота не была приспособлена к проливным дождям, ведь восемь месяцев в году над городом сияло неумолимое солнце, а в оставшиеся четыре иногда шел мелкий дождичек. Такие ливни, как сегодня, случались нечасто, и переделывать ради них всю систему не имело смысла. Экономически отцы города были правы, но в этот ненастный вечер их правота плохо утешала членов совета.

– Итак, – повторил реб Вульф, – в ктубе, брачном контракте, однозначно указано, что девственнице в случае развода полагается двести золотых, а недевственнице – сто. Жених был уверен, что его невеста – невинна, но когда после свадьбы выяснилось, что его ожидания оказались чрезмерными, решил развестись.

Супруги пришли в суд. Что говорит муж?

«Брачный контракт ошибочен! Я-то предполагал, что женюсь на девушке, а оно вон как оказалось. Как и когда она потеряла невинность, меня не касается. Будем считать, что ее изнасиловали до обручения со мной. Я не хочу жить с этой женщиной, даю ей развод и плачу сто золотых».

– Почему изнасиловали? – реб Вульф остановился и посмотрел на членов совета.

– Потому, – тут же ответил Нисим, – что если она это сделала по своей воле, то ей полагается жестокое наказание.

– Правильно, – согласился реб Вульф. – А что же говорит жена?

«Да, меня действительно изнасиловали, но уже после обручения. Замуж-то я выходила девственницей, и мне полагается двести золотых».

Кто из них прав?

– Мерзость! – сморщился Нисим. – Как это не похоже на людей Ренессанса. У них любовь была возвышающим душу чувством, святой страстью, а тут какая-то мелочная сделка.

– Оставь Ренессанс, – поморщился реб Вульф. – То, что у них называлось возвышающей душу страстью, у нас зовется подлейшим грехом. Скажи лучше, кто прав в споре.

– Жена права, – вмешался третий член совета – Акива.

– С какой стати? – не согласился Нисим. – Она лицо заинтересованное, может и соврать.

– А муж разве нет?

Нисим не ответил, и Акива продолжил.

– Верить нельзя ни ей, ни ему. Но муж предполагает, а женщина знает точно. И если нет свидетелей и нужно выбирать из двух мнений, я бы больше верил жене.

– Эта история, – сказал Нисим, протягивая руки к электрическому камину, – напомнила мне другую, недавно случившуюся в нашем городе. Догадываетесь, какую?

---

⁷⁰ Рош Римон – глава граната. Количество зернышек в гранате равно числу заповедей, поэтому его название традиционно используют как синоним святости.

Члены совета отрицательно покачали головами. Возможно, они предполагали, о чем заговорит Нисим, но дождь продолжал поливать за окном так, словно его наняли за большие деньги, и торопиться было некуда.

– На улице Рош Римон проживает семейная пара. Тихие, незаметные люди. Он учится в колеле,⁷¹ она – медсестра, работает в больнице. Женаты уже десять лет, а детей все нет.⁷² Чего они только ни делали, к каким врачам ни обращались, а всё напрасно. Большое горе, что тут говорить.

Нисим замолчал. Ему, отцу восьмерых детей, тихая жизнь вдвоем с женой представлялась давно забытым счастьем. Но так принято считать, в таком виде история докатилась до его ушей, и он передавал ее в точном соответствии с услышанным. Ничего от себя – только факты. Вернее, сначала факты, а уже потом от себя.

– И вот однажды вечером, – голос Нисима стал набирать высоту, – несчастная женщина отправилась, как и все достойные еврейки, совершить омовение в микве. Когда она выходила из нее, подлый негодяй, бесчестный и бессовестный злодей, воспользовался ее слабостью, затащил в кусты, повалил и совершил гнусное надругательство над ее дамской честью и супружеским достоинством.

Вся в слезах, несчастная добралась до своего дома, кинулась к мужу в поисках утешения и защиты. И что же он сказал ей, чем помог в эту трудную минуту?

Нисим на секунду замолк, выдерживая паузу, а затем продолжил срывающимся голосом провинциального трагика:

– «Я тебе не верю! Я тебе не верю!» – вот всё, что смог сказать изнасилованной жене изучающий Тору человек! Так учили его помогать ближнему, так Святое Писание велит действовать в подобном положении?! Не верю!

Нисим сорвался на хрип, закашлялся и с минуту мотал головой, утирая проступившие слезы.

– Он бросил ей в лицо свои слова и ушел в другую комнату – продолжать заниматься. Если так себя ведет будущий раввин, то чего можно ждать от простых, неграмотных людей вроде нас с вами?!

Вопрос повис в воздухе, за столом на несколько секунд воцарилось неуютное молчание.

– Мне эту историю рассказывали несколько иначе, – нарушил его Акива. – Я ведь тоже живу на улице Рош Римон, а соседи всегда знают больше, чем просто любопытные. Ты, Нисим, изложил чистую правду, но не всю. Есть небольшой нюанс. Муж несчастной женщины по происхождению коэн.⁷³ А у коэнов, как ты знаешь, все строже. Обыкновенному еврею изнасилование не запрещает продолжать жить с женой. А коэну запрещает. Будущий раввин, в отличие от нас с тобой, Тору учил довольно неплохо. Он сразу понял, как найти выход из ситуации. Свидетелей изнасилования не было. Правильно?

– Правильно, – подтвердил Нисим.

– Значит, запрет или разрешение зависят от слов жены. Если муж им не верит, то изнасилования как бы не было. В том смысле, что она остается ему разрешенной.

– И это всё! – вскричал Нисим. – Холодный расчет, чистая логика! А где сердце, где сострадание, где жалость?! Петрарка не поступил бы так с Лаурой!

– А это ещё кто? – спросил Акива.

– Два итальянских голя!⁷⁴ – ответил Нисим. – Но как любили они друг друга, как сострадали – не в пример будущему раввину.

---

⁷¹ Высшее учебное заведение для изучающих Тору.

⁷² Согласно еврейскому религиозному закону, если после десяти лет брака у супругов не появились дети, муж имеет право дать жене развод без всяких дополнительных причин.

⁷³ Потомок первосвященников, служивших в иерусалимском Храме.

⁷⁴ Нееврей.

– Если бы он стал жалеть жену, – ответил Акива, – он бы тем самым подтвердил правдивость ее рассказа. А следовательно – развод. Вот и посуди, где нужно больше сердца и выдержки: поплакать вместе или сжать зубы и сделать вид, будто ничего не произошло.

– Я боюсь вас, люди с каменными сердцами! – патетически воскликнул Нисим, снова протягивая руки к нагревателю.

– Ты, очевидно, предпочитаешь сентиментальных дураков, – с насмешливой улыбкой произнес Акива.

– С улицы Рош Батата,⁷⁵ – в тон ему подхватил Нисим.

– Не ссорьтесь, – вмешался реб Вульф. – Я знаю третью сторону этой истории. Вот она.

Он приходил ко мне советоваться – будущий раввин. Той ночью, чтобы показать жене вздорность ее рассказа, он вошел к ней. И случилось то, чего они ждали столько лет, – она забеременела. Когда схлынула волна первой радости, муж впал в сомнения: от него ли ребенок? По закону, поскольку большинство сочетаний с женой были его, ребенок тоже его. Но ведь она не беременела столько лет, а тут вдруг понесла. Если он пошлет жену на генетическую проверку плода, то тем самым признает истинность ее рассказа, и тогда придется развестись. Жену он любит и не хочет потерять, но мысль о том, что под сердцем она носит чужое семя, не дает ему покоя.

– И что ты ему посоветовал? – спросил Нисим.

– Охо-хо, – вздохнул реб Вульф. – Что тут можно посоветовать? Он сам должен решить: продолжать жить с этими сомнениями или разрубить узел одним ударом.

Но давайте вернемся к нашей теме. Итак, супруги пришли в суд. Раббан Шимон бен Гамлиэль в такой же самой ситуации постановил, что верить нужно жене. Почему?

Реб Вульфу никто не ответил. Члены советы смотрели в сторону, как видно, занятые своими мыслями.

– Всё опирается на общепринятый образ, – продолжил реб Вульф. – Предположим, перед нами кусок дерева, – он постучал пальцами по столу. – Мы знаем, что это дерево, и в наших глазах оно останется деревом до тех пор, пока с ним не произойдет какая-либо перемена. Например, если его сжечь, дерево превратится в пепел. Однако до той самой минуты мы будем знать, что перед нами не более чем кусок древесины. Образ этой вещи остается постоянным.

Так же и в разбираемом случае. Невеста изначально была девственницей, и этот ее образ не изменился до определенного момента. До какого?

Реб Вульф обвел глазами собеседников. Молчание. Он хмыкнул и покачал головой.

– Муж утверждает одно, жена – другое. Поскольку нет никаких данных, подкрепляющих мнение одной из сторон, образ девушки в наших глазах не меняется до самой последней возможности. То есть максимально близкой к той минуте, когда муж установил, что она уже не девственница. Поэтому раббан Гамлиэль принял ее сторону и обязал мужа заплатить двести золотых. Понятно?

– Понятно, – эхом отозвались члены совета.

– Однако дождь вроде затих, – сказал Нисим, поднимаясь из-за стола. – Пора и по домам.

– Пора, – согласился реб Вульф, выключая нагреватель. Все дружно встали, шумно отодвигая стулья, и пошли к вешалке за плащами.

– Одного не могу понять, – сказал Акива, берясь за дверную ручку. – У нас на улице рассказывают, будто жена придумала эту историю. Сочинила от начала до конца.

– Как придумала? – Нисим замер с рукой, наполовину вдетой в рукав. – Зачем, для чего?

– Любит она его, видела, как он страдает без детей. А оставить ее не может. Вот и придумала способ, как расстаться. Только оно совсем по-другому обернулось. Но кто же мог знать, что она забеременеет именно в тот вечер?!

⁷⁵ Рош Батата – голова, как у бататы (сродни русскому «тыквенная башка») – распространенное израильское ругательство.

Члены совета вышли на крыльцо. Полосы дождя свисали с козырька, словно тюлевый занавес.

– Никому нельзя верить! – воскликнул Нисим, распахивая зонтик. – Все врут – любимые жены, соседи, друзья. Никому, никому нельзя верить!

Он шагнул в дождь и зашагал, высоко поднимая ноги.

– А я еще вот о чем думаю, – сказал Акива. – Дело это между двумя супругами произошло. Тайное, интимное дело. Почему же о нем весь город знает? Даже мы, в синагоге, вместо изучения Торы тоже о нём говорили. Как тут не разочароваться в людях!

Он быстро сбежал по ступенькам, прикрылся зонтиком и засеменил через двор.

– Я смотрю на это событие иначе, – пробормотал реб Вульф, запирая дверь в синагогу. – Две тысячи лет Храм лежит в руинах, а потомок его священников готов разрушить собственную семью, лишь бы оставаться готовым к возобновлению службы. Если это не внушает надежду, то что тогда может ее внушить?

Он положил ключ в карман, открыл зонтик и пошел домой, не спеша обходя лужи.

ПУЛЬСА ДЕ-НУРА

В конце длинного летнего дня, когда солнце исчезает за плоской крышей автобусной станции, небо над Реховотом становится апельсинового цвета. Стихает базар, продавцы запирают свои лавки, щедро оставляя нераспроданный товар второго сорта перед дверьми. Солидные покупатели постепенно покидают рынок, один за другим смолкают вентиляторы, с самого утра разгонявшие влажный, жирный воздух. Наступившая тишина оглушает, сторож, дав нищим возможность набить свои корзинки, запирает ворота. Скрежет сдвигаемых створок кажется невыносимым, точно фальшивая нота у Менухина.

И всё это великолепие цветов, плотный вал запахов и ниспадающая рапсодия звуков расшибаются о толстые стены и тонированные стекла синагоги «Ноам алихот». Похоже, будто прихожане, собравшиеся для молитвы, живут своей, отгороженной от мира жизнью. Уже давно никто не выбегает смотреть, как низко опустилось солнце и можно ли еще молиться «минху» – дневную молитву. И появление трех первых звезд, осторожно шевелящихся на темнеющем оранжевом небосводе, тоже перестало интересовать прихожан.⁷⁶ Точное время начала и конца молитвы, наступления субботы и окончания праздников давно исчислено раввинами и напечатано крупными цифрами в специальных календарях. Жизнь в синагоге движется не по закатам или полнолуниям, а в строгом соответствии с раввинскими предписаниями. Горожане шутят, будто если погаснет солнце или не взойдет на небосклоне луна, порядок литургии в «Ноам алихот» останется без малейших изменений.

Но вот закончилась вечерняя молитва, ночь повисла над опустевшим рынком и замершей синагогой. Только в комнате старосты горит свет: за круглым столом сидят трое членов совета. И дел вроде никаких не осталось – всё давно обсудили, рассмотрели, распределили обязанности. Да и какие такие дела могут быть в маленькой синагоге, для чего нужно каждый вечер на целый час оставаться после молитвы?

Возможно, герои нашего повествования сами не подозревают, какая сила сводит их вместе, а может быть, они давно уяснили причину и с радостью подчиняются ее давлению. Ведь нет на свете более удивительных и сладостных уз, чем приязнь и симпатия.

Когда смолкли звуки шагов последнего из прихожан, Нисим открыл сумку и достал из нее утреннюю газету. Староста реб Вульф, следуя указаниям покойного рава Штарка, категорически запретил вносить на территорию синагоги любой вид печатной продукции, кроме Святого Писания и книг комментаторов. Но в своем кругу, без посторонних глаз, он вел себя более снисходительно.

– Полюбуйтесь! – воскликнул Нисим, тыча пальцем в крупную фотографию на первой полосе. – Группа раввинов, собравшись прошлой ночью на кладбище каббалистов в Цфате, совершила Пульса де-нура – обряд древнего каббалистического проклятия. Объектом проклятия стал не кто иной, как глава правительства.

– Чушь, – презрительно скривил губы реб Вульф. – Нет такого понятия: «древнее каббалистическое проклятие». У нас принято благословлять людей, а не проклинать.

– А Шабтай Цви? – воскликнул Нисим. – Ты же сам рассказывал о проклятии графу Липинскому.

Действительно, недели три назад, на одной из вечерних посиделок, реб Вульф припомнил историю, услышанную им много лет назад от рава Штарка.

К середине 1665 года большинство раввинов признало Шабтая Цви Мессией. Во многих общинах отменили траурный пост 9 аба и вместо него устроили праздничный день с благо-

---

⁷⁶ Новый день, согласно еврейской традиции, начинает отсчитываться вечером, с момента появления на небе первых трех звезд.

словением на вино и двумя торжественными трапезами. И только знаменитый раввин Львова Давид бен Шмуэль, осторожный и основательный, как и его книги, медлил с решением. Во Львове пост прошел, как и во все годы, а в начале 1666 года раввин отправил в Измир, где проживал Шабтай Цви, доверенного посланца.

Когда тот вернулся, Давид бен Шмуэль долго беседовал с ним в своем кабинете.

– Я слово в слово передал господину Цви ваше послание, – сказал посланник. – Когда он услышал о несчастьях, чинимых львовской общине бесчестным графом Ольгердом Липинским, тут же наклонился, вырвал из земли пучок травинки, прошептал что-то и пустил травинки по ветру.

– С графом я покончил, – сказал господин Цви. – Возвращайся во Львов и передай тому, кто тебя послал, что медлительность не пристала столь знаменитому мудрецу.

– Как вы знаете, граф умер два месяца назад, – продолжил посланец. – Я проверил даты – смерть настигла негодя именно в тот день, когда господин Цви произнес свое проклятие.

– Он шарлатан! – воскликнул Давид бен Шмуэль. – Мессия будет убивать словом. Если Шабтаю Цви понадобятся дополнительные действия – значит, он просто колдун.

Раввин отпустил посланца и тут же написал свое знаменитое письмо, с которого начался закат Шабтая Цви.

– При чем тут Шабтай Цви! – реб Вульф скривился, точно от горького лекарства. Само имя отступника подняло в нем волну отвращения. – Как ты можешь учить из нечистого о чистом?

– Хорошо, – согласился Нисим, но тут же перешел в новую атаку. – А Хафец Хаим и Троицкий?

Всё тот же реб Вульф рассказывал от имени рава Штарка, будто в начале двадцатых годов Хафец Хаим собрал в свой синагоге десять раввинов, достал свиток Торы и отлучил Троицкого.

– За что рав его отлучил? – спросили ученики, – и если отлучил, то почему так поздно?

– Душа Троицкого спустилась в мир, – ответил Хафец Хаим, – чтоб стать Мессией. Для этого Всевышний наградила ее особыми силами и особым талантом. До какого-то момента была возможность обратить эти силы к добру. Сейчас точка, после которой возвращение невозможно, уже пройдена.

Отлучение возымело действие; сразу после него звезда Троицкого покатила к закату.

– Пусть твои уши услышат, что произносят ус-та! – возразил реб Вульф. – Ты перепутал отлучение с проклятием.

– Да какая разница, как оно называется, но если в результате человека бьют ледорубом по голове, то, по мне, это одно и то же! – не унимался Нисим.

– Проклятие, – степенно принялся разъяснять реб Вульф, – это когда на цветок выливают стакан серной кислоты. А отлучение – это когда его перестают поливать водой, отлучают от источника жизни. Результат похож, но пути совсем разные. За исключением того, что проклятие действует наподобие бумеранга: оно всегда возвращается. Поэтому раввины, люди, в отличие от прощелыг-газетчиков, знающие, как работает механизм проклятия, никогда не станут заниматься такого рода действиями.

– Я слышал от стариков на Кубе, – вмешался Акива, – будто бы в каждом дне есть одно мгновение, когда любое произнесенное проклятие сбывается без всяких последствий для проклинающего. И якобы пророк Бильям умел вычислять такую минуту.

– Так почему он не смог проклясть народ Израиля? – удивился Нисим.

– Написано в старых книгах, – произнес реб Вульф, – будто Всевышний, благословенно Его имя, в те дни отменил это мгновение. Потому-то у Бильяма⁷⁷ и не вышло. До того выхо-

---

⁷⁷ Пророк Бильям – в русской традиции – Валаам.

дило, а тут вдруг перестало получаться. Потом, когда Бильама убили, вернул мгновение на свое место.

– Слова – вообще опасная штука, – вздохнул реб Вульф. – Ох, как осторожно надо с ними обращаться.

– Да, – подтвердил Нисим, – недаром гиганты Ренессанса определили нашу жизнь как «слова, слова, слова...»

Реб Вульф вдруг приподнял указательный палец и приложил его к губам.

– Тс-с-с! Мне кажется, я слышал его!

В комнате воцарилось напряженное молчание. Нисим тихонько встал с места, на цыпочках подошел к полуоткрытой двери и распахнул ее настежь. Прошло несколько минут.

– Наверное, показалось, – вполголоса, не решаясь разбить установившееся безмолвие, произнес реб Вульф.

– Показалось, – подтвердил Нисим, возвращаясь на свое место. Он глубоко вздохнул и, словно в холодную воду, прыгнул в рассказ.

– Неподалеку от моей «басты» торгуют два брата-зеленщика – Эли и Леви. Тихие, спокойные люди, дела свои ведут скромно, не гонятся за большой прибылью. Я наблюдаю за ними уже много лет и ни разу не слышал криков возле прилавка, не замечал рассерженных покупателей. Старший, Эли, давно женат, а младший всё искал себе пару. С кем только его ни знакомили, жених-то он завидный, недурен собой и с хорошим доходом, а всё не шло.

– Мой брат – человек особенный, – говорил про него Эли, – и жена ему нужна тоже особенная.

В конце концов приглянулась ему девушка. Родом из Турции, приехала после школы одна, без родителей. Прошла армию, закончила курсы по маркетингу и устроилась в торговом центре Реховота. Объявления по внутреннему радио центра слышали? Так вот, это она.

– Знаю я этих братьев, – сказал Акива. – Перед субботой всегда у них базилик беру и кинзу. Действительно приятные люди.

– Н-да... – протянул Нисим. – Стали о свадьбе думать, надо знакомиться с родителями. А те из Стамбула ни ногой. Нечего делать – сели на самолет, полетели в Стамбул. Это мне Леви сам рассказывал, мы за последние годы сдружились, особенно моя жена с его Рики.

Так вот, родители Рики жили в старой части Стамбула, там, где раньше был еврейский квартал. Евреи давно оттуда поразъехались: кто – в Израиль, кто – в более фешенебельные части города. Остались только неблагополучные семьи. Рикины родители материально стояли довольно крепко; отец крутил вполне процветающий бизнес. Проблема была в матери, она болела сердцем и практически не выходила из дома. Спуститься по крутой лестнице с шестого этажа и взобраться назад она могла только раз в год или еще реже.

Из этой квартиры, по словам Леви, можно было и не выходить. Вид из окон такой, что любишься с утра до вечера, будто в театре. Сапфировый Босфор как на ладони, улицы и крыши Куле, еврейского квартала, прямо под носом. Крыши давно превращены в небольшие клумбы: розы, гортензии, мальвы, настурции – кто во что горазд.

А их улица – Языджи Сокак – давно уже центр ночных развлечений: гуляющие девки прохаживаются перед входом в парадные, как манекенщицы на выставке, кавалеры к ним пристают, торгуются, потом, столковавшись, расходятся по гнездышкам. Дома старые, без кондиционеров, окна настежь... В общем, есть на что посмотреть.

Н-да... Рикина мать курила не переставая крепкие турецкие сигареты, вся квартира пропахла дымом. К ней постоянно приходили подруги, они пили кофе, играли в «реми» и болтали. Глаза у нее были, точно у совы: огромные, желтые и навывкате. Выдержать ее взгляд Леви не мог. Будущая теща сразу предупредила, что сама на свадьбу не приедет и отца не отпустит: ее состояние не позволяет оставаться одной дольше нескольких часов. «Ну не может так не

может», – подумал Леви, хотя свадьба без родителей невесты – дело необычное. Однако чего в жизни не бывает.

Погуляли они по Стамбулу, накупили всякой ерунды в дешевых лавочках и вернулись домой. Свадьбу назначили через три месяца. Арендовали банкетный зал, разослали приглашения – в общем, всё, как обычно. Из Стамбула пришла поздравительная открытка и чек на солидную сумму.

Н-да... А за две недели до срока позвонил хозяин зала. К нему пришла инженерная комиссия и закрыла его заведение. Комиссия выяснила, что этот зал сделан по такому же проекту, как и «Версаль»,⁷⁸ поэтому без капитальной перестройки здания свадьба может перейти в похороны. Хозяин договорился с другим залом, по соседству, правда, на следующий день. Открытки с новым сроком и адресом он напечатает и разошлет за свой счет, дайте только адреса.

Ладно, лучше так, чем как в «Версале». На всякий случай обзвонили всех приглашенных, объяснили ситуацию. Никто не возражал.

– Хотел бы я видеть того, кто стал бы возражать, – хмыкнул реб Вульф.

За день до свадьбы Рики начала волноваться. Приехать родители не могут, понятно, но почему не звонят? Она без конца набирала стамбульский номер, но телефон не отвечал.

– Что-то случилось, – тревожно повторяла Рики, – мама не может так надолго выйти из дому.

– Телефон, наверное, испортился, – утешал ее Леви. – Или они решили преподнести нам сюрприз и сейчас летят в Израиль.

Но на свадьбу родители Рики не прилетели. Радость отодвинула тревогу, и после хупы невеста отплясывала так, что все только диву давались. Они вообще очень красивая пара, Леви и Рики, а в свадебных нарядах смотрелись так, будто сошли с обложки журнала мод. Молодые танцевали весь вечер, даже за стол не присели, чтобы перекусить.

Отец позвонил на следующий день. Рики молча выслушала несколько фраз, положила трубку и упала в обморок. Оказалось, что ее мать умерла два дня назад. Перед смертью она попросила ничего не сообщать дочери, не портить радость. Похороны должны были состояться в день свадьбы, и отец специально отложил их на один день. Он ведь ничего не знал про смену зала.

– Она всегда упрекала, что я мало ее люблю, – повторяла Рики. – Что бросила ее одну и уехала в Израиль, что редко звоню, что приезжаю всего на две недели. А в последний раз сказала, что буду танцевать на ее похоронах...

Нисим положил обе руки на стол и похлопал, словно проверяя надежность, незыблемость материи.

– Она, наверное, попала на ту самую минуту, которую искал Бильям, – произнес он и откинулся на спинку стула, словно освобождая место для другого рассказчика. Несколько минут собеседники молчали, переваривая услышанное. Глубокая тишина наполняла синагогу, и в укромных сумерках этой тишины таились духи прошлого. Святая земля держала Реховот в своих ладонях; кто знает, может быть, на месте синагоги разбивал свои шатры праотец Авраам или злодей Бильям разжигал костры и готовил колдовские снадобья. Всё это происходило здесь, и невозмутимая память песков, желтых ноздреватых камней и красной, крошащейся от жары земли медленно пропитывала синагогу, создавая в ней удивительный, особый воздух.

Тишину нарушил перестук пальцев. Акива положил обе ладони на стол и пробарабанил какую-то мелодию. Затем медленно оторвал пальцы от столешницы, внимательно, словно дирижер перед исполнением рапсодии, оглядел собеседников и начал новый рассказ.

---

⁷⁸ В банкетном зале «Версаль» во время свадьбы провалился пол третьего этажа. Погибли десятки людей. Жених и невеста уцелели.

– Эту историю я слышал от моей тети. Она жила в Гаване. Ее муж, ювелир, хорошо зарабатывал, и компанию они водили с другими ювелирами, а так как было это еще до Кастро, то жизнь текла безмятежно и радостно. Их дом находился в фешенебельном квартале, по соседству с напарником мужа. Вот с ним-то и случилась та самая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.